Когда тебя нет

Автор:
Валентина Назарова

Когда тебя нет

Валентина Вадимовна Назарова

Страх. Надежда. Любовь. Гнев. Азарт. Безумие. Этот триллер перенесет вас туда, где слышны запахи и звуки европейского квартала, где ощущается холодный морской ветер и обжигающее тепло абсента…

Валентина Назарова – кто она?

• Автор, создающий между читателем и персонажем особую связь, основанную на чувственных образах.

• Фанатка рока, перенесшая свою страсть на страницы книг – музыка звучит отовсюду.

• Специалист IT, вскрывающая изнанку социальных медиа, IT-технологий и интернет-стартапов.

• Лауреат премии «Рукопись года – 2016» и номинант российской национальной премии «Национальный бестселлер – 2016».

• Один из немногих российских авторов, популярных в Европе – ее книги переведены на 8 иностранных языков.

Лондон. Снова идет снег. Как и четыре года назад, когда страшная трагедия забрала все, ради чего жил Серж. Кислый кофе, еда из забегаловки, ненавистная работа, пустой дом – бесконечная жвачка, давно лишенная формы и вкуса, жалкие попытки поддерживать иллюзию жизни. Компьютерная игра и голос человека, скрывающегося под ником «Трон», – голос единственного друга, последняя возможность не раствориться в пустоте. Но однажды бесследно

исчезает и он. Странно.

Идя по виртуальному следу, Серж приезжает на продуваемый всеми ветрами северный берег Франции. Холодный атлантический ветер. Мрачный двухэтажный дом. Скрипучие лестницы и мрак захламленной комнаты. И Трон. Мертвый.

А дальше… Попытка найти правду, азарт преследования, гнетущая тревога и постоянное напряжение, любовь, доведенная до отчаяния, и шокирующий непредсказуемый финал.

Валентина Назарова

Когда тебя нет

© Назарова В.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Жизнь за секунду до взрыва накрепко впечатывается в память: какая песня играла по радио («Bruise Pristine»), что было на завтрак (хотдоги с горчицей и кисловатый фильтрованный кофе с заправки на трассе), погода (мокрый снег вперемешку с дождем), во что я был одет (куртка, та же, что и сегодня, черные джинсы, белые кеды, неудобные суперстары, она выбрала их для меня). Я могу назвать еще тысячу деталей, сделать картинку у себя в голове невыносимо живой и яркой, до невыносимого яркой. Но обычно, когда я вспоминаю тот день, я ограничиваюсь только этими вещами.

Наверное, стоит уточнить, я использую слово «взрыв» в метафорическом смысле. Это просто точка, рычаг, с помощью которого переворачивается земля. Жгучее ощущение под ребрами и тяжесть в висках, будто случившееся никак не может уместиться в мозгу и он распухает до невероятных размеров и вот-вот потечет из ушей и носа. Мерзко, но именно так я ощущал все это в своей голове в ту ночь, сидя на снегу и глядя на отсветы синих и красных мигалок на верхушках заснеженных елей. Точнее описать у меня не получится, я плохой рассказчик, когда речь заходит о переживаниях и об эмоциях. Предпочитаю говорить о чем угодно, кроме того, что творится в моей голове. О погоде, например, или о том, что вчера ночью шло по телевизору.

После Иды Линн мир навсегда перестал быть прежним. Первым из множества вещей, которые ушли вместе с ней, стал сон. Я всегда принимал его как данность – я кладу голову на подушку, закрываю глаза и отключаюсь, совсем как в шестнадцать лет, когда мне удаляли мениск: ты просто начинаешь считать от десяти в обратном порядке, доходишь до восьми и проваливаешься в темную глухую невесомость. Я не подозревал, что может быть по-другому. Я вообще о многом тогда не подозревал.

Граница между бодрствованием и отключкой стала походить на долгую очередь в кассу, где ты стоишь позади семейной пары с тележкой, доверху набитой покупками на неделю, а у тебя в руках только тюбик зубной пасты. Раздражающее несправедливое ожидание. Но это еще не все. То, что приходит далее, тоже не слишком утешает. Раньше мне не снились сны, никогда.

Сны были территорией Иды Линн, она любила записывать их, а потом расшифровывать по засаленной книжке, одной из немногих вещей ее матери, которые уцелели в огне. Она говорила, что все не случайно, ни сны, ни то, что именно эту книгу пламя решило выплюнуть и пощадить. Теперь, по дурацкой иронии, ей они больше не снятся, а вот ко мне приходят каждую ночь. Я никогда не помню их подробно, только отдельные кадры и вспышки, но, когда я просыпаюсь по утрам, моя голова тяжела и захламлена, как после трехчасовой беседы со скучным попутчиком в переполненном поезде. Я знаю, этот попутчик – я сам, но от этого не становится легче, только досаднее. Жаль, что нельзя сделать дефрагментацию собственного мозга, разложить все по тематическим разделам, так чтобы взмах чьих-то волос в свете ночных фонарей или вкус крови во рту от нечаянно прикушенной губы не украшал систему.

Я не раз пытался анализировать эту мою проблему и пришел к выводу, что причина бессонницы банальна. Она совсем не в том, что теперь я сплю один, и не в том, что я перенес черепно-мозговую травму. Дело в вопросе, неотвеченном вопросе, который снова и снова, как бесконечно всплывающее окно, не дает мне производить другие операции. Я нажимаю на крестик в уголке, но оно всегда возвращается, вновь и вновь запрашивая у меня пароль, которого я не знаю.

Чтобы уснуть, мне приходится посадить свою батарейку настолько, чтобы не осталось сил думать, или обмануть свой мозг, отвлечь его на что-то другое, что-то постороннее и очень конкретное. Даже у айфонов были такие хаки. Можно обойти пароль, если вызвать из меню другую функцию. Так же делаю и я, просто прибегаю к отвлекающим маневрам. Что угодно, лишь бы не эта очередь в кассу, это липкое потливое чистилище между бодрствованием и сном. Так я и начал играть в игры, сначала на телефоне, а потом онлайн. Ночи напролет. Однако бывают дни, когда мне не помогают даже они, и тогда я прибегаю к одному очень старому способу, о котором рассказала мне некогда мучимая бессонницей Ида Линн. Я начинаю рассказывать себе историю. Это самая скучная история на свете. История моей жизни. Каждый раз, каждый день, это как длинное письмо самому себе или сообщение на автоответчике, на номере, где никто никогда не поднимет трубку. Работает в тысячу раз лучше, чем овечки, прыгающие через забор, или ночной выпуск новостей, повествующий о пожарах и о суицидах спившихся рок-звезд.

Лондон, 2 февраля

Водитель автобуса нажимает на гудок. Звук протяжный и долгий, будто у ледокола где-то глубоко в Арктике. С высоты второго этажа мне отлично видно, как пробка уходит куда-то за угол. Вереница горящих стоп-сигналов наполняет морозную дымку холодным алым сиянием. Мы стоим уже минут десять, кажется, я даже успел задремать и теперь чувствую на нёбе кисловатый привкус сна и пустого желудка. Красные огни впереди расплываются перед глазами, накладываясь на отражение моего собственного лица в лобовом стекле, которое медленно плывет в воздухе, будто бы напоминая о чем-то давно забытом, каком-то кадре из фильма или фрагменте старого сна. Впрочем, я рад любому сну, даже такому, который оставляет обезвоженным и тупым посреди наполненного незнакомцами автобуса.

– Вот так вот и проходит жизнь… сидишь и ждешь чего-то как дурак, – ворчит на ухо своей подружке сидящий позади пассажир. – И зачем я только тебя послушал, надо было пешком идти, уже б дома были.

Пожалуй, он прав. Не стоило ехать на автобусе, мне идти-то тут всего двадцать минут. Это все холод, он заставил меня вскочить в закрывающиеся двери номера 29. Как у большинства жителей этого города, у меня нет одежды на такую погоду. Зимой я просто хожу быстрее, пью больше кофе, ношу больше толстовок, иногда, в самом крайнем случае, пристегиваю свой велосипед к столбу на маленькой площади возле офиса и прибегаю к помощи общественного транспорта.

Февраль – это просто долгая ночь, которую надо пережить. Сегодня должен пойти снег, я подслушал разговор двух женщин из отдела кадров у кофемашины. Утром, возле лифтов, я видел экран телевизора. Город на карте, окруженный воронкой циклона, и руки ведущей, так точно предсказывающие направление стрелок. На секунду я даже остановился и, как завороженный, следил за ее белыми ладонями, когда она, словно Лора Палмер[1 - Лора Палмер – персонаж телесериала «Твин Пикс».] на фоне зеленого экрана, указывала нам, откуда ждать бурю. Интересно, что первично, картинка или ее руки? Они рисуют Лондон там, куда покажет ее палец, или это она должна точно знать его координаты в пустоте? Извечный конфликт случайности и системности.

Сегодня я полдня провел в коридоре возле окна, ожидая обещанный снегопад, но он так и не начался. Другой на моем месте придумал бы какую-то чушь про нашу годовщину с Идой Линн и скрытый символизм этого внезапного циклона, но мой мозг устроен иначе. Это просто снег. Тем более что его нет.

Мои часы показывают шесть сорок шесть вечера. Скинув ноги с подоконника, я слезаю с замызганного плюшевого сиденья, спускаюсь вниз по узкой лестнице даблдэкера и становлюсь у дверей. Вдалеке воет сирена, все ближе и ближе, на верхушках домов мелькают искристые отсветы, голубые и красные. Через пару минут автобус трогается, рывком сдвинувшись вперед на пару корпусов машин. Кто-то нажимает на кнопку стоп. Едва дотянув до козырька остановки, водитель распахивает двери. Вдохнув влажный вечерний город, я ступаю на тротуар.

Сейчас около нуля, погода все никак не может решиться ни на мороз, ни на окончательную оттепель. Влажность, думаю, близится к ста процентам, я знаю это потому, что у меня во рту вкус речной воды. Застегнувшись и втянув голову в

плечи, я шагаю вперед навстречу черной бесснежной ночи.

Повернув за угол, я чуть не сталкиваюсь с крошечной женщиной-тайкой в светло-коричневой униформе массажного салона. Меня с головой обдает запахом кокосового масла и курительных палочек. Она стоит ко мне спиной, держа в вытянутой руке огромный планшет в розовом чехле из фальшивой кожи. Глянув туда, куда смотрит ее камера, я вижу черные клубы дыма и оранжевые всполохи, вырывавшиеся из разбитой витрины парикмахерской. Тут я замечаю, что и без того узенькую улицу наглухо перегородила машина пожарной бригады. Всполохи мигалки отражаются от низких облаков.

Теперь понятно, откуда пробка. Бесчувственный к двум струям воды, бьющим прямо в черную пасть разбитой витрины, огонь лезет и лезет вверх, уже заглядывая в окна второго этажа. С визгом возле угла тормозит еще одна бригада, пожарные тщетно пытаются пробиться внутрь. В ноздрях у меня начинает колоть от гари, глаза наполняются слезами, но я не могу отвести взгляд. Толпа вокруг растет и галдит, я смотрю на объятый пламенем дом, транслирующийся на десятке экранов телефонов, направленных камерами прямо в огонь.

– Там внутри кто-то остался? – дотронувшись пальцами до моего рукава, спрашивает розовощекая беременная женщина в оранжевой униформе работника супермаркета.

– Понятия не имею! – зачем-то огрызаюсь на нее я.

Я зажмуриваюсь и зажимаю руками уши, но даже так мне не заглушить этот упрямый вибрирующий звук – гул открытого пламени. Оттолкнув успевших собраться у меня за спиной зевак, я спешу прочь, к Камден Хай-стрит.

Сегодня четверг, но в Камдене всегда пятница. Пожалуй, кроме понедельника. Когда мы с Идой Линн только переехали сюда, восемь лет назад, чувство праздника здесь было куда сильнее. Тут было больше злости, больше молодости, больше кайфа, будто мы жили в клипе «Sex Pistols»[2 - «Sex Pistols» – английская музыкальная группа.]. На Парквей было негде пожрать, когда после концерта вываливаешься из Даблин Кастл в полпервого ночи. На рынке в Камден Лок было столько неформалов, что люди в обычной одежде бросались в глаза хуже любого фрика.

Бурлеск-дивы приходили сюда примерять красные лаковые корсеты, готы – плащи графа Дракулы, инди-девочки в стесненных обстоятельствах – поддельные футболки «Оазис» и «Блер»[3 - «Ocsis» и «Blur» – музыкальные группы.], где у Демьена Алборна и братьев Гэллахер на принте был румянец, как у тифозных больных. У входа в метро толпились панки, они настойчиво клянчили у прохожих мелочь, упивались дешевой водкой из супермаркета и блевали прямо под ноги. Тогда это место пугало обывателей.

Сейчас здесь совсем по-другому, спокойнее, бесцветнее, буржуазнее. На смену неформалам пришли богатые хипстеры, которые смыли с улиц развеселую пьяную контркультуру тройным раствором баснословно дорогого карамельного макиато. Неизменными остались только музыкальные вечера в пабах да парочка халяльных закусочных.

Я открываю дверь, над моей головой брякает охрипший колокольчик. Амир из «Роял Кебаба» уже ждет меня.

– Привет, Серж. Опаздываешь, – добродушно усмехается он, показываясь из подсобки.

– Пробки.

Он кивает в сторону завернутого в коричневую бумагу свертка – кебаб с двойным чили и картошкой фри – мой ужин по четвергам. Я кладу на прилавок деньги, ровно семь пятьдесят, без сдачи.

– Приятного вечера, Серж.

– И тебе, Амир.

Стараясь не заглядывать внутрь, я скольжу вдоль вереницы блистающих теплыми огнями витрин пабов, потом сворачиваю в узкую боковую улочку. Мой дом – угловой, ступеньки прямо с улицы. Он похож на зарисовки в блокноте прогрессивного художника двадцатых годов прошлого века – именно так они представляли себе будущее. Выпуклые окна-иллюминаторы, болтающиеся туда-сюда на скрипучих петлях распашные двери, узенькие отвесные винтовые лестницы, по которым, по плану архитектора, будут беспечно скакать через ступеньку вечно молодые люди будущего. Но все сложилось немного иначе.

Сейчас это дом социального жилья, по большей части. Здесь селят людей с душевными болезнями. Разумеется, только тех, которые не опасны для себя и общества. Не идеально, но хозяин квартиры, один из загоревших дочерна людей из поколения дауншифтеров, спешил порвать все связи со старым миром и вернуться в Азию, поэтому готов был скинуть сотню с ежемесячной ренты, если только мы сами возьмемся починить трубы в ванной. Прошло восемь лет, трубы все еще там, как и я. Все остальное изменилось безвозвратно.

Поначалу место пугало Иду Линн – неприветливые новые соседи, отворачивающие лицо к стене в ответ на ее приветствия и бормочущие сами с собой, без конца орущий в квартире над нами кот, неистребимый запах плесени, усиливающийся от затяжных осенних дождей, шорохи и сквозняки старого здания, где давно не было капитального ремонта, валящий из решетки вытяжки липкий кухонный пар. Но это было только поначалу, потом она привыкла.

Со временем она полюбила наш новый дом, развесила по стенам постеры из галереи «Саатчи», заставила меня смазать петли в двери на этаже, посадила в горшок проросшую косточку от авокадо.

Гулкий коридор, предпоследняя дверь слева, наклейка номер «девять», окна во внутренний двор. Он крошечный и почти всегда пустой. У меня есть ключ, но я никогда там не бываю, разве что кроме того случая, когда Ида Линн уронила туда свой горшок с цветком, и мы ходили собирать с земли осколки. В тот вечер она придумала смотреть в окна домов напротив, сидя на подоконнике с выключенным светом, когда дожидалась меня с работы. Люди всегда вешают шторы со стороны улицы, но почти никогда – со стороны двора, не боясь глаз, которые могут наблюдать из глубин обманчивой пустоты. Иногда я до сих пор наблюдаю за ними, соседи напротив движутся в своих комнатах, курят, облокотившись локтями о подоконник, едят арахисовое масло пальцем прямо из банки, смотрят всякое дерьмо по телевизору, плачут, целуются. Живут.

Я отпираю дверь, в очередной раз вспоминая о том, что хочу поменять замок. Этот совсем расшатался, его можно открыть, просто подковырнув язычок чем-то вроде проездного билета. Я захожу внутрь, поворачиваю защелку, разуваюсь, щелкаю выключателем. Скидываю рюкзак, вешаю на крючок куртку и толстовку. Потом иду в ванную, пуговица за пуговицей расстегиваю светло-голубую рубашку из «GAP», комкаю ее и кладу в стиральную машину. За ней следует белая футболка и носки. Стараясь не глядеть на себя в зеркало, я стаскиваю с

волос резинку и позволяю им упасть на плечи. Это лучший момент моего дня – физическое ощущение спадающего напряжения.

Я убираю джинсы в шкаф в спальне, надеваю треники и выцветшую футболку «Children of Bodem», купленную на концерте, куда мы с Идой Линн, тайком от взрослых, пробрались, когда еще учились в школе, перепрыгнув через высокий забор и приземлившись на задницы в мокрую траву. Быстро расправляюсь с кебабом и, прихватив из холодильника запотевшую баночку кока-колы, устраиваюсь за обеденным столом, за которым уже четыре года никто не обедает. Я залогиниваюсь и надеваю наушники. В них почти сразу же слышится знакомый хриплый голос.

– Привет, Андерсон! Я уж думал, ты не придешь! – обращается ко мне он, используя мой игровой ник. Настоящие имена друг друга мы не знаем.

– Извини, адское движение, еле прорвался домой. Привет!

– Да ничего, я прекрасно помню, что это такое, ходить в офис каждый день. Сочувствую тебе, мужик.

TronGuy_18072 был моим партнером уже два с половиной года, но общаться голосом один на один мы стали всего одиннадцать месяцев назад, через «Дискорд»[4 - Дискорд (Discord) – бесплатный мессенджер, изначально ориентированный на пользователей игр.]. Это до сих пор вызывает у меня чувство неловкости и вторжения в личное пространство. Я очень долго привыкаю к новым вещам, а уж к людям – и того дольше. А еще я из тех, кто никогда не звонит, только пишет. Но с Троном это было необходимое зло. Общение действительно ключ, по крайней мере в нашем случае. Наша статистика пошла в гору, вскоре мы стали топовыми игроками, несмотря на то что сейчас я стараюсь выходить онлайн не чаще четырех раз в неделю.

– Трон, прикрой меня! – Я перезаряжаю пушку и осторожно крадусь вперед по узкому коридору с облупившимися стенами, то и дело с опаской заглядывая в дверные проемы по бокам. Перебежав через перекресток, я останавливаюсь.

– Я знаю эту карту, тут рельсы. Иду первым! – кричу я, переключаясь в режим разговора со всей командой.

В каком-то смысле многопользовательские онлайн-игры почти как жизнь, – мало на кого можно положиться, а уж тем более доверить прикрыть тебе спину. Тем не менее в игре хотя бы есть алгоритм подбора, чего в жизни точно не бывает. Вселенная не подставляет тебе родственников, коллег и друзей согласно интеллекту или количеству ачивок. Ты должен делать это сам, если хочешь. И если хватает навыков общения. Что касается меня – мне лучше одному. Хотя я действительно благодарен тому парню, такому же, как я, одиночке, который написал алгоритм подбора в этой игре, что однажды поставил меня в команду с Троном. С тех пор мы – команда. Мы играем в разные игры: квесты, шутеры и мультиплееры, что угодно. Игры не так важны, как компания.

Я подныриваю под ворота и оказываюсь на широком пустом дворе. Слева от меня что-то, похожее на курятники. Справа – невысокие жилые дома. Внезапно в паре метров от кончика моего дула с глухим хлопком разрывается дымовая шашка.

– Йо, Мистер Андерсон, слева сверху! – раздается в моих наушниках возглас Трона, через секунду после того, как я сам регистрирую угрозу. Аккуратная автоматная очередь молниеносно обезвреживает до зубов вооруженного террориста. Он падает к нашим ногам. Легко и чисто. – Ни фига себе, вот так реакция у тебя, Мистер Андерсон! Или мне лучше звать тебя Нео?[5 - Нео (Neo) – персонаж фильма «Матрица».]

– Спасибо, Морфеус!

– Смотри-ка, у него P250. Чур, он мой! Блин, да у него еще и дымовух полные карманы. Бинго!

Это была еще одна причина, почему с Троном было классно играть – он всегда радовался, как ребенок, хотя, судя по голосу и по мемам, ссылки на которые постоянно сыпались в наш чат, он по меньшей мере мой ровесник, а то и старше. Но каким бы ни был его возраст, в одном я уверен наверняка – Трон, как и я, один их тех, кого люди вроде моей матери называют «компьютерщик».

Миссия идет неожиданно бодро, но я то и дело подлавливаю Трона на том, что он как будто зависает и реагирует на долю секунды медленнее, чем обычно. Надежно спрятавшись от перекрестного огня в укрытии, я все же решаюсь разузнать у него, в чем дело.

– Трон, ты сегодня не в фокусе. Соберись и гоу в бой! – бодрым голосом произношу я в микрофон, переключившись в приватный режим.

– Блин, чувак, сегодня какой-то дерьмовый день. – В моих наушниках слышится глубокий тяжелый вздох.

– Согласен, но это не повод лажать.

Я замолкаю. Он тоже хранит безмолвие. Это значит, что я должен сказать что-то еще.

– Ты в порядке? – осторожно спрашиваю я.

– Что-то у меня разыгралась паранойя, – раздается еще один вздох, тяжелее предыдущего.

– На тему?

По правде говоря, я не знаю о его жизни абсолютно ничего. То есть я отлично в курсе, чем он живет, но вот где и с кем – понятия не имею. Это наше безмолвное соглашение.

– Не, не буду грузить тебя, это не на две минуты история.

– О’кей, как скажешь. Но если что…

– Я знаю. Спасибо.

Какое-то время мы переговариваемся только по общему каналу связи, ограничиваясь возгласами и призывами к действию наших менее опытных товарищей по команде, которые никак не хотят умирать. Когда, наконец, наступает передышка, я снова слышу голос Трона, обращенный лично ко мне:

– Андерсон, а у тебя бывает такое чувство, будто за тобой следят?

– Ты что, наконец, послушал мой совет и посмотрел документалку про Сноудена?[6 - Эдвард Сноуден – американский технический специалист, бывший сотрудник ЦРУ, обнародовавший секретную информацию спецслужб.] За всеми следят, пора бы уже успокоиться на эту тему, – отвечаю я, стараясь развеселить его хоть чуть-чуть. – Никто не станет рассказывать твоей маме о том, что ты смотришь неприличные картинки. Просто алгоритм подбора рекламы будет чаще предлагать тебе сайты знакомств. Они следят с одной целью – заработать на тебе.

Трон смеется, но делает это на секунду позже, чем если бы правда нашел мою шутку смешной.

– Я не об этом.

– А о чем тогда?

– Да не, ерунда. Не важно.

– О, смотри, кто это тут у нас? – В глубине улицы мелькает одетая в черное фигура.

Раздается короткая автоматная очередь – Трон прикрывает, как всегда. Я бросаюсь через проход.

– Чисто сработано, чувак.

В наушниках тишина.

– Слушай, кстати, о Сноудене, – продолжает он, после паузы, снова затаившись в укрытии. – Если б у тебя были, скажем, записи разговоров ФБР или что-то наподобие, такое же… опасное, где б ты это хранил?

– М-мм, ты что, хакнул «Куантико»?[7 - «Куантико» – американский телесериал о сотрудниках ФБР на секретной базе.]

– Возможно. – Сухой нервный смешок. – Чисто теоретически, если б тебе в руки попали кое-какие чувствительные материалы.

– Смотря о каком объеме данных идет речь, – отвечаю я, перезаряжая пушку.

– Несколько террабайт.

Невольно мои губы сами складываются в трубочку, и я присвистываю.

– Ты что, снял порнуху?

– Ага, римейк оригинальной трилогии «Звездные войны» с моими частями тела в роли всех персонажей.

– Блин, зачем ты вложил эту картинку мне в голову! Как ее теперь развидеть?

– Ну ты ж даже не знаешь, как я выгляжу. Может, я – Райан Гослинг, и тебе понравится.

– Чего-о-о? – подняв брови, протягиваю я. – Что за крипи-вайбы я ловлю от тебя сегодня? И, для справки, чтобы мне понравиться, ты должен оказаться минимум Скарлетт Йоханссон, чувак.

– Это не те дроиды, которых ты ищешь[8 - Фраза из фильма «Звездные войны».], – говорит он, изображая женский голос и срываясь в смех, а потом добавляет, уже серьезно: – И все же, где б ты хранил данные?

– Ну, я вряд ли на физическом носителе – слишком опасно. Скорее всего, залил бы куда-то, на один из хостингов[9 - Хостинг – услуга по предоставлению ресурсов для размещения информации на сервере, постоянно находящемся в сети Интернет.], которые используют для детского порно и пиратских фильмов, с серверами в какой-нибудь латиноамериканской стране и оплатой через биткойны[10 - Виртуальная криптовалюта.]. И запаролил бы доступ, конечно же. Как-то так…

– Ну да, и я… сделал бы то же самое, если бы у меня были такие данные, – отвечает Трон как-то слишком уж задумчиво. – И кстати, о паранойе. Знаешь, кому всю жизнь казалось, что за ним следят люди в черном?

– Кому же?

– Эрнесту Хемингуэю. И знаешь что?

– Что?

– Он оказался прав.

Я только смеюсь в ответ. Миссия закончилась. Я встаю и иду к холодильнику за еще одной банкой колы.

– Ну что, еще по одной? – спрашиваю я, взглянув на часы. Двенадцать ночи. Ну и что, что завтра будет не встать.

– Мистер Андерсон, ты чего такой неугомонный? Спать совсем не хочешь?

– Сон для слабаков.

– Скажешь еще, ты один из тех, кто проходит игру сто раз, чтобы посмотреть все концовки?

– А разве можно иначе?!

Я вспоминаю вторую часть «Сайлент Хилла»[11 - Компьютерная игра.] и мои бесплодные попытки вернуть к жизни погибшую виртуальную жену. Сколько раз я прошел ее? Даже не вспомню. Одну из концовок, впрочем, самую лучшую, мне получить так и не удалось.

– Значит, любишь побеждать?

– Не то что побеждать, просто разбираться, в чем ошибка, и проходить заново, добиваясь лучшего результата.

– Задрот… – слышу я его тихий шепот.

– Что?

– Ничего, просто помехи. – Трон заливается хохотом.

Я улыбаюсь.

Начинается загрузка. Я слышу в наушниках, как Трон шуршит какими-то фантиками.

– Что ты там так жадно жрешь?

– Энергетические батончики.

– Это как «Ред Булл», только жевать нужно?

– Типа того.

– Класс, не знал, что бывают такие. Но это ж, наверное, прожигает дыры в желудке.

– Наверняка, – усмехается он. – Завтра дойду до магазина, а сегодня это лучшее, что есть в моем меню.

Я хмыкаю в ответ. Мне это знакомо. Если бы не Амир и его кебабы.

– Ну что, погнали?

– Да, ага… – отзывается он немного рассеянно, будто прислушиваясь к чему-то вовне. – Хотя, погоди минуту. Кто-то у двери… или мне кажется… повиси немного, ок?

Он оставляет меня один на один с глухотой наушников. Немного погодя в глубине слышатся какие-то сдавленные голоса. А может, это просто помехи в эфире. Я жду еще пару минут.

– Мистер Андерсон? – наконец, в наушниках звучит знакомый хрипловатый голос Трона. – Ты готов?

– Это ты меня спрашиваешь? К тебе там кто-то пришел? Доставка пиццы? Девочки? Мне показалось, я слышал женский голос.

– Это Алекса.

– Кто?

– Ассистент.

– Трон, ты что, секретный миллионер?

– Нет, она – робот.

– А, тот новый дивайс от Амазона, Сири[12 - Сири (Siri) – облачный персональный помощник, программное приложение компании Apple.] в коробке?

– Ага, доставили пару дней назад. Ты же знаешь, я – маньяк до всяких новинок.

– А ты не боишься, что она – посланник «Скайнет»?[13 - Скайнет (SkyNet (англ.) – искусственный интеллект, главный антагонист фильмов о «Терминаторе».]

– А я спросил, – Трон снова хихикает. – Она говорит, что нет.

– И ты ей веришь?

– А что мне остается? Она такая милашка, напоминает мне проверить утюг и плиту перед выходом из дома и составляет список покупок.

– Утюг? Ты что, гладишь? – ржу в голос я.

– Нет, просто у меня паранойя.

– О-уу.

– Да-да, я – один из тех, кто должен кликнуть выключателем двадцать четыре раза перед выходом из дома, а иначе вся моя семья сгорит.

– И давно это с тобой?

– Около года.

Трон – тот еще любитель черного юмора, это мне в нем очень нравится.

– Жесть, тебе лечиться надо, чувак, – отзываюсь я, подыгрывая. – И я не думаю, что маленькая черная коробочка, которая слушает все, что ты говоришь, помогает твой паранойе. Может, из-за нее тебе кажется, что за тобой следят.

– Да нет, Алекса тут ни при чем.

– Кстати, а пиццу она заказывать умеет?

– Не знаю, у меня тут нет доставок поблизости.

– Ты что, на Марсе, что ль, живешь?

– Типа того, – отвечает Трон. – Ладно, давай уже гоу в бой.

Он наскоро меняет оружие, извлекает свой элитный трофейный автомат и заряжает его с приятным щелчком.

– О да, крошка, иди к папочке…

Когда несколько часов спустя мы попрощаемся и я, рухнув в кровать, закрываю глаза, в ушах у меня все еще трещат автоматные очереди. Мы – лидеры в игровом зачете. Улыбнувшись, я заставляю себя встать. Чищу зубы, выключаю свет и забираюсь под одеяло. Зимой в квартире промозгло и сыро, зато летом почти не бывает жарко.

Я слушаю звуки дома, который только прикидывался спящим. За стенкой в пустоту звонит телефон. В комнате надо мной скребется и мяукает кот, тот самый, который когда-то не давал спать Иде Линн. Сколько же ему лет уже? А он все скребется. Поначалу, когда мы только въехали сюда, нас так и подмывало

подняться выше этажом и позвонить в дверь – просто чтобы проверить, что обитатель квартиры жив и кот не пирует его останками, пригласив в гости компанию друзей с улицы. Наш поход закончился коротким недружелюбным разговором через закрытую дверь. Сегодня кот снова орет. Но соседка сверху была жива, я видел ее всего пару дней назад, она вызволяла хвостатого с одинокого развесистого дерева посреди двора, попутно поливая его проклятиями.

Сон, такой близкий еще минуту назад, внезапно куда-то испаряется. Где-то скрипит половица. Затем следует плеск падающей воды, потом стон смывного бачка. Сбоку через стенку бубнит ночной магазин на диване. Через щель в занавесках мне виден треугольный отрезок черно-сиреневого неба. Табло древних электронных часов показывает три пятнадцать ночи. В голове мечется мысль, быстрая и тревожная, как кот по подоконнику, я не успеваю схватить ее за хвост. А ведь вот оно, еще одно второе февраля, закончилось уже, думаю я. Словно как по волшебству, низкие облака разрешаются от бремени – с неба на спящий двор начинает сыпать мелкий искристый снег. Я подхожу к окну, открываю его настежь, подставив лицо морозному воздуху, который все еще пахнет пожаром.

Лондон, 4 февраля

Я выключаю будильник, встаю с кровати и раздвигаю занавески. Ледяное утреннее солнце сочится сквозь низкие облака и заливает комнату безжалостным искрящимся светом. В воздухе медленно плывут пылинки. Я тру лицо руками, потом прижимаюсь лбом к оконному стеклу и позволяю себе просто постоять так, несколько секунд. Прошлой ночью мне снова снился пылающий дом, рыжие всполохи в черном небе.

Когда мы только переехали в Камден, мы с Идой Линн почти каждый вечер ходили слушать музыку в «Блюз Китчен» или «Даблин Кастл», мы пили пиво и вино, гуляли по вонючей набережной канала, переступая через спящих бомжей, частенько приходя домой только на рассвете. Утро всегда было мукой для Иды Линн, потому что для нее оно означало возвращение в реальность, где нужно было собирать волосы в пучок, надевать не успевшую высохнуть с вечера униформу и идти на работу. Ее смена начиналась в шесть тридцать утра, она

почти всегда опаздывала. Она работала в кофейне у метро «Морнингтон Крешент», делала капучино и латте для вечно спешащих горожан, опускала блестящий хромированный носик в маленький ковшик с молоком и наблюдала за тем, как струя скрипящего горячего пара превращает его в пену. Я помню этот звук, резкий и механический, помню ее лицо, сосредоточенное и отстраненное одновременно. А потом улыбку, когда она увидела меня, принесшего ей забытые ключи по дороге на работу.

В нашем доме мало кто встает раньше десяти, так что в семь утра тут ни звука. Я прислушиваюсь к тишине вокруг. Ида Линн была такой шумной по утрам. Я помню, как сквозь опущенные веки наблюдал, как она прыгает по комнате на одной ноге, пытаясь засунуть вторую в колготки, стараясь не шуметь и опрокидывая все подряд, помню плеск воды в ванной, ее тихое ворчание на свою жизнь, затем хлопок входной двери, а после – тишина. Тогда я поворачивался на бок и блаженно засыпал, не подозревая о том, какой ненавистной может быть эта утренняя тишина. За стенкой снова звонит телефон.

Сток в ванне опять засорился, и я стою по щиколотку в мутноватой мыльной воде, позволяя потоку просто падать на меня сверху, руки, как плети, вдоль тела, вкус шампуня и зубной пасты во рту. Постояв так минуту, я наклоняюсь и запускаю пальцы в дырку на дне, ожидая выловить оттуда склизкого волосатого монстра. Но сегодня решетка чиста, значит, засор где-то в трубах.

Я одеваюсь – черные джинсы, белая футболка, голубая рубашка, застегнутая на все пуговицы, серая толстовка на молнии с капюшоном.

На завтрак – шоколадные шарики с молоком, банан, большая чашка крепкого черного кофе. Потом дорога на работу – двадцать минут пешком, почти по прямой. Иногда они пролетают быстро, иногда тянутся медленно-медленно. Восприятие времени субъективно, это я понял уже давным-давно. Или только что? Это утро отличается от других только тем, что воздух особенно сильно пахнет рекой и асфальтом. К рассвету выпавший ночью снег исчез, будто его и не было вовсе.

Дорога ведет меня на маленькую бетонную площадь, окруженную высокими по лондонским меркам, стеклянными домами. По сторонам площади, как кусочки лего, разбросаны маленькие прямоугольные скамейки, перемежающиеся треугольными деревьями в тяжелых кадках. Иногда я думаю о том, что надо бы рассмотреть рисунок этих серых прямоугольников и зеленых точек сверху, вдруг

вместе они образуют какой-то символ. Я не могу поверить в то, что их расставили здесь в случайном хаотичном порядке. Но я всегда забываю об этом, когда доезжаю до своего этажа.

Я работаю в айти-отделе онлайн-магазина, расположенном на десятом, одиннадцатом и двенадцатом этажах центрального здания на площади. А именно – одним из трех системных администраторов, которые обеспечивают работу внутренней сети, выдают новые клавиатуры и мыши и сбрасывают пароли. По сути, я просто слежу за тем, чтобы ничего никогда не ломалось. Как говорил мой коллега Шон, который два года назад перебрался жить в Барселону: у хорошего администратора всегда полно свободного времени. Это так, и даже больше. По счастью, с недавних пор у нас появился стажер, и я практически больше не занимаюсь восстановлением забытых паролей и настройкой почты.

То, чем я занимаюсь, – дно для любого человека, когда-то мечтавшего стать программистом. Впрочем, я не уверен в том, что когда-то действительно осознанно мечтал о чем-то. Я скорее позволял жизни, в лице вечно одержимой какой-то безумной целью Иды Линн, нести меня за собой.

Тем не менее моя работа – тлен. Особенно четко я осознаю это, когда стеклянный лифт проезжает мимо этажей, где располагается лондонский офис одной крупной социальной сети. Лифт наполняется людьми, я чувствую их полные равнодушного презрения взгляды, скользящие по бейджу на моей груди. Имя: «Никто», должность: «Никто». Я смотрю на этих парней и девчонок на десять лет себя моложе. Они здесь не случайно, они – лучшие из лучших. Многим из них корпорация оплатила переезд сюда. Иногда я слушаю их негромкие увлеченные разговоры. Вижу, во сколько они уходят с работы. Некоторые даже ночуют тут. Говорят, на одном из этажей у них есть специальные капсулы для сна. Не представляю, чтобы мне когда-нибудь захотелось переночевать в офисе. Но тем не менее есть в моей работе и интересные аспекты.

Онлайн-магазины знают о людях все. Даже больше, чем некоторые спецслужбы, потому как спецслужбы отслеживают только определенные виды деятельности, а маркетологи – все, какие могут. Где вы работаете и отдыхаете, какими болезнями болеете (или подозреваете, что болеете), что едите, от чего возбуждаетесь, с кем спите, а с кем хотели бы переспать и как именно хотели бы это сделать. Каждый новый девайс[14 - Девайс (device) – техническое

средство, приспособление или устройство, используемое в разных научных областях, а также в повседневной жизни.], каждый новый логин, каждая залитая в сеть фотография дорисовывает ваш портрет. Портрет потребителя. Наши маркетологи и специалисты по привлечению пользователей покупают эти данные у социальных сетей, таких, как та, что находится на пару этажей выше. Конечно, официально вы – голые данные, без имен, поделенные только на возрастные, половые, этнические и еще миллион разных групп. Но, при желании, имя тоже можно узнать, это не составит проблем. Мы покупаем вас. Не я конкретно, а наш отдел маркетинга. Я просто читаю их чат, когда мне нечего делать, этому научил меня Шон.

Например, сейчас, в преддверии 14 февраля, Карина, наш маркетинг-шеф, отдала указание покупать одиноких девушек и предлагать им регистрироваться в дейтинг-сервисе «Тиндер». Дело в том, что перед таким «парным» праздником одиночек можно купить куда дешевле и впарить им гораздо больше. Люди готовы тратить деньги на то, чтобы не чувствовать себя ущербными. Собственно, если я правильно понимаю этот мир, они только на это и готовы тратить. По слухам, отлично идут еще и селф-хелп[15 - Селф-хелп (Self-help) – помоги себе сам.] книжки и подписки на онлайн-кинотеатры. Я думаю, это работает как-то так: сначала маркетологи убеждают вас в том, что всем нужна пара, а потом предлагают товары различных категорий в зависимости от того, повелись вы на эти разводки или нет. Поэтому нужно помнить, нет никаких импульсных покупок – просто вы не заметили того, как вас запрограммировали на то, что вам нужен именно этот портативный блендер со стаканом для смузи. Гениально! Мне даже почти не жаль тех, кто ведется на это.

Люди доверяют интернет-сервисам такое, чего даже вслух произнести не могут, рассчитывая на анонимность и безопасность своих данных. Как же долго и с пеной у рта я убеждал Иду Линн не доверять так слепо социальным сетям, не заполнять о себе лишнюю информацию, не выкладывать слишком много фото. Есть такие ресурсы, где можно проверить, сколько раз и когда данные о вас сливали и похищали. Жаль, там не пишут, кто и за сколько вас купил. Но и это можно отыскать на просторах дарк-веба[16 - Дарк-веб (dark Web) – скрытая от поисковых браузеров часть Интернета.]. Я снова и снова объяснял ей это, но Ида Линн только смеялась и называла меня хакером и параноиком.

Но я не то и не другое. Я – простой сисадмин, сидящий в пропахшем раскаленным пластиком и ковролином офисе на одиннадцатом этаже стеклянной вышки на Брок-стрит и пялящийся в свои три монитора в ожидании

перерыва на обед.

Я тут так давно, что мог бы делать свою работу с закрытыми глазами. Это нетрудно, кто угодно бы справился. Каждая компания имеет внутреннюю сеть. Эта сеть состоит из компьютеров сотрудников и серверов, на которых хранятся данные, нужные организации для своей деятельности. Моя работа – следить за тем, чтобы ничего не падало и не отключалось, а еще выставлять каждому сотруднику компании уровень доступа, согласно директивам, которые я получаю от отдела кадров. Иногда, когда кого-то подозревают в злоупотреблениях, меня просят следить за этим человеком. Не буквально, а просто активировав на устройствах специальную программу, которая фиксирует его или ее действия. Раньше этим занимался Шон, мне кажется, он получал от этого удовольствие. Я же просто каждый раз удивляюсь, как однообразна жизнь, причем не только моя. Вот и все мои обязанности. Не пыльно, правда?

Конечно, я делаю не только это. Но так было проще всего объяснить, чем я занимаюсь, моей маме, когда, в свой единственный за восемь лет нашей разлуки визит, она задала этот вопрос. Я сижу в комнате и смотрю в экран. Восемь часов в сутки с перерывом на обед, стараясь, по возможности, не вступать в контакт с другими обитателями офисного пространства, что бывает довольно сложно, учитывая что многие женщины считают, что одного тикета[17 - Здесь это задача, задание.] с просьбой о новой клавиатуре мало и нужно обязательно прийти ко мне лично и пытаться использовать то, что Шон называл «сила сисечного убеждения». В таких случаях я стараюсь притвориться, что очень занят, или спрятаться в серверной, куда у них попросту нет доступа.

Я – одиночка. Это не значит, что мне плевать и что я не в курсе того, что происходит. Совсем наоборот. Я – ресивер, я получаю информацию, но она не идет дальше меня.

Корпоративная жизнь донельзя похожа на школу. Здесь есть классные популярные ребята, например, отдел маркетинга, есть стукачи – отдел кадров, есть завучи – наш средний менеджмент. И есть я и подобные мне странные ребята в немодной одежде. Да, остальным приходится сохранять с нами приятный фасад, ведь от школы местные устои отличает только одно – теперь мы нужны им гораздо больше, чем они нам. Да и я не стал бы мерить косым взглядом человека, который точно знает, на каких сайтах и по скольку минут в день вы проводите, даже если у этого человека волосы по пояс и шрамы от пирсинга на лице. Они даже не подозревают, что на компьютеры абсолютно всех

сотрудников установлено программное обеспечение, позволяющее снимать видеоролики того, что происходит на мониторе любого конкретно выбранного человека в любой момент времени. Даже если одновременно с онлайн-игрой или Фейсбуком у него открыт рабочий файл – я вижу, что они делают, и знаю, куда они ходят. Притом не только на своем корпоративном ноутбуке, но и на телефоне, если человек этот использует корпоративный вайфай.

Большинство людей не понимает, что сисадмин обладает большей властью над ними, чем полицейский или руководитель. И что захоти он испортить кому-то жизнь или разоблачить чей-то секрет, его вряд ли что-то остановит. История Эдварда Сноудена никого ничему не научила. Никто не думает о своей онлайн-гигиене, никто не беспокоится о том, с кем и чем он делится, когда устанавливает новое приложение себе на телефон или заходит в аккаунт своей соц. сети с публичного вайфая. А потом они удивляются и подают жалобы. Но как можно жаловаться, если вы сами записали свой пароль в заметки в телефоне под заголовком «Мои пароли», а потом скачали какое-то приложение и дали ему доступ к вашим заметкам. Я не перестаю удивляться, недоумевать, порой угорать со смеху от всего, что творится вокруг. Только я делаю это молча, не отводя глаз от монитора и не меняя выражения лица.

После переезда Шона в Барселону обедаю я тоже один. Обычно я ем в офисе, но сегодня мне хочется пройтись. Я застегиваю куртку, натягиваю капюшон и выхожу на улицу. Воздух сегодня влажный и густой. Холодновато для сезона. Низкие облака медленно ползут над крышами. Я дохожу до Риджентс-парка и, как турист, устраиваюсь на лавке на одной из аллей, жую неприятно влажный сэндвич с тунцом и кукурузой, который прихватил в супермаркете по дороге. Не в силах доесть, я крошу мякиш на асфальт. Толкая друг друга и хлопая крыльями, голуби начинают драться за еду. Я делаю глубокий вдох, позволяя влажному воздуху проникнуть глубоко в легкие. Там, где я вырос, было море. Ну, что-то вроде этого, так его называли местные.

Это было в Санкт-Петербурге. Не в том, который во Флориде, и не в том придуманном, что у Марка Твена, а в том самом, где Зимний дворец и белые ночи. В моем свидетельстве о рождении стояло имя «Сяргей Филиппенко», но родители переехали из Минска в тогда еще Ленинград, когда мне было два, так произошла первая смена моего имени – я стал Сергеем. В Ленинграде папа преподавал математику в университете, в одной из таких аудиторий, которые часто показывают в кино, похожей на амфитеатр. Мы жили в коммуналке в центре города, пару минут хода от Невского, под арку, во внутреннем дворе

внутреннего двора, с высокими потолками и длинным темным коридором. Я плохо помню то время, только какие-то обрывки. Соседка в едва запахнутом коротеньком халате ругается с матерью, и мать называет ее проституткой, вполне вероятно, заслуженно. Запах капусты и куриного бульона. Отец курит «Лаки Страйк» на лестничной площадке. Протечки, сжирающие заживо ветхую лепнину на потолке. Собака, огромная черная дворняга Брут, которая лежит у меня в ногах, поскуливая и перебирая лапами во сне. Окно в световой колодец, откуда просачивается мутный серый луч. Скрип паркета. «Led Zeppelin» и «Боуи». Папа учит меня играть на гитаре. Мы с папой едем на электричке гулять на залив в лютый мороз с какой-то смеющейся девушкой в красном берете, и Брут то и дело убегает от нас по льду. Сигаретный дым в воздухе. Я помню, у нас всегда были гости, люди из университета, они пели, пили, курили, разговаривали о свободе и справедливости.

Когда мне было двенадцать, папа влюбился в аспирантку, ту самую в красном берете, и ушел жить к ней, в спальный район. Моя мама не умела ничего, она всегда была просто при папе, как ассистент или музейный смотритель. Полгода она только и делала, что плакала, а потом познакомилась с какими-то людьми в темно-серых костюмах, стала приносить домой разноцветные брошюры, напечатанные на приятно пахнущей глянцевой бумаге, и ходить в комнату в старом доме культуры, которую она называла «церковь». Она и меня брала с собой, пока папа не запретил ей делать это. Вскоре в нашей жизни появился человек по имени Юкка Веналайнен. Высокий, бесцветный, с жирными щеками. Он был проповедником. Мама влюбилась в него, по крайней мере, так я думал. Она подала на развод, и через семь месяцев мы переехали жить в маленький город у моря в Финляндии. Меня забрали из школы с середины недели. Гитару и магнитофон мать продала соседке-проститутке, а собаку усыпила, потому что никто не хотел брать – слишком черный и слишком страшный. Она, конечно, врала мне, что отдала его подруге, и правда всплыла только много лет спустя, когда рассказал Иде Линн о том, что Брут уехал жить к егерю в Гатчину, а она начала смеяться и плакать над моей наивностью. Тогда, тем вечером, я спросил мать, и она призналась мне. Я назвал ее сукой, она ударила меня по лицу.

Переезд был шоком. Я не знал финского языка, и меня отправили в вечернюю гимназию. Именно там, год спустя, на автобусной остановке, я впервые увидел Иду Линн. У нее были черные волосы, розовый рюкзак и неправильный прикус.

Над головой с резким тревожным криком проносится чайка, чуть не сбросив с моей головы капюшон размахом своего крыла и прервав мои мысли. Голуби

разлетаются в стороны, как брызги, с этим особым чмокающим звуком голубиных крыльев. Чайка приземляется, склоняет голову набок и смотрит на меня своим выпуклым желтым глазом. Я бросаю ей остатки сэндвича и гляжу на часы – перерыв закончится через семь минут. Пора возвращаться на работу. Еще каких-то четыре часа, и можно будет ехать домой. Домой…

Я захожу в чат чуть раньше, но Трон уже онлайн. Я не знаю, эксклюзивны ли наши отношения с его стороны, но я точно не играю ни с кем другим. Мне это просто не интересно.

– Мистер Андерсон, я тут подумал, в продолжение нашего разговора позавчера, – говорит Трон, пока мы ждем загрузки миссии. – Знаешь, кто еще параноик?

– Ты?

Он добродушно ржет. Я улыбаюсь.

– Эд Сноуден. Он думал, что на него смотрят через веб-камеру, и оказался прав.

– Прекращай смотреть «Мистера Робота».

– Я серьезно. Это же чистая паранойя, то, что он заметил это. Нормальному человеку никогда не пришло бы в голову, что это все всерьез и что… можно их разоблачить, – в его голосе звучат резкие тревожные ноты.

– Трон, я начинаю за тебя волноваться, правда…

«Гоу гоу гоу!» – слышится в наушниках. Миссия загрузилась. Мы кидаемся вперед по темному коридору, Трон приотстает, потом догоняет меня. Мы бежим по лестнице на второй этаж невысокого здания и занимаем позицию у окна, оглядывая серые крыши нарисованного Багдада. Мимо моей головы свистит выстрел, но Трон прикрывает, как всегда.

– Ты видел, что сделали эти русские? – спрашивает он, перезаряжаясь.

– Атомную бомбу?

– Лучше! Знаешь, есть такой сайт знакомств, «Лавер»?

– Не знаю.

– Да ладно, живешь в большом городе и не пользуешься?

– Не-а.

– Ну не суть, в общем, это сайт для женатых людей, которые ищут интрижку на стороне, ну и просто для всех, кого романтика интересует в меньшей степени.

– Типа «Тиндера»?

– Не совсем. «Тиндер» не отрицает романтику, просто они понимают, что в сети ее вряд ли найдешь. А эти ребята, они с самого начала объявили, что их сайт – для развлечений, а не для поиска любви. – Трон замолкает на минуту, сосредоточенно зачищая нам проход между домами. – Так вот, помнишь ту утечку, когда какие-то хакеры взломали айклауд кучи знаменитостей и слили в сеть их личные фотографии?

– Ну да, было что-то такое.

– Во-первых, не прикидывайся, что не знаешь! Все видели Джен Ло!

– Может, я не видел, может, я постеснялся… или она не в моем вкусе?

Я видел Джен Ло, все ее видели. А еще ту малышку из «Аббатства Даунтон», не помню ее имя. Просто я никогда не признаю этого.

– Ты меня удивляешь. Но я не об этом. Я хочу сказать, что, несмотря на то что фотографии принадлежали знаменитостям, это было грубейшее вторжение в частную жизнь, Андерсон! Значит, за ними следили, подбирали их пароли… А сейчас эти стартаперы собрали все эти фотографии на одном сайте, в открытом доступе, и весьма удобно поместили туда рекламу своего сервиса знакомств. Конечно, доказать никто ничего не может, но, блин, это так мерзко. Впрочем, я

от них ничего другого и не ждал.

– Мерзко? Почему же? Если для них это работает, то почему же нет, особенно если они не нарушают закона. Тем более у этого преступления, я имею в виду взлом, особо не было жертв. Подумаешь, фото задницы какой-то там актрисы оказалось онлайн. Знаменитости от этого стали только еще более знаменитыми, а народ развлекся.

– А ты представь, если бы в открытом доступе очутились переписки и фотографии миллионов обычных людей? Что, если это фото твоей девушки с раздвинутыми ногами оказалось онлайн, и какие-то ушлепки используют его, чтобы нажиться?

Я представил себе ноги Иды Линн, кожа такая бледная, что сквозь нее видны голубые линии вен. Одна из них закинута на мое плечо. Глаза полузакрыты, я вижу наше отражение, плывущее в отражении. Раздается выстрел, на этот раз Трон не успевает прикрыть меня. Геймовер[18 - Game over (англ.) – конец игры.].

– Ну, блин, люди должны понимать, чем они рискуют, когда делают такие фото. Нет ничего приватного. Все, что в твоем телефоне, – потенциальная собственность всея Интернета, – отвечаю я, пока грузится игра. – Ты еще скажи, что студия «Сони» – тоже бедные несчастные жертвы, раз их фильмы слили в сеть ребята из Северной Кореи.

– Андерсон, я никак не пойму, на чьей ты стороне. Ты то сам как северный кореец рассуждаешь, то как адепт корпорации зла. Конечно, есть жертвы. Когда десятки террабайтов приватной информации оказываются в сети, неизбежно кто-то страдает.

– Ну да, убытки.

– Да дело не в этом, – в голосе Трона чувствуется искреннее раздражение. – Там же личные данные, паспорта, пенсионные номера, банковские счета. Это делает людей уязвимыми, это делает их потенциальными жертвами мошенников и шантажистов.

– Но опять же, это – сотрудники голливудской студии, топ-менеджеры и знаменитости, – парирую я. – Кстати, а ты смотрел фильм, из-за которого

Северная Корея так обиделась?

– Да, дело не в фильме. Только подумай, ну кто будет совершать преступление из-за фильма с Джеймсом Франко? Я думаю, это кто-то из своих, это – личная месть. Иначе зачем им было постить фотографию директора студии, горящего в аду, на десктоп всех сотрудников корпорации?

– Ну не знаю… Я не думаю, что это так уж лично, тут же есть подпись группировки, которая взяла на себя ответственность за утечку, – отвечаю я, рассматривая в окне поиска картинок жутковатые фотографии, которые увидели на экранах своих мониторов все сотрудники киностудии «Сони» 1 декабря 2014 года.

– Такие взломы и утечки – самая большая угроза двадцать первого века, это – чистейший терроризм. Но почему-то я не верю, что в мире еще остались идеалисты, способные рискнуть приличным тюремным сроком ради того, чтобы наказать корпорацию. Всегда есть что-то личное, какой-то частный мотив. Месть или нажива. А ты что думаешь?

Я улыбаюсь. За это я и люблю наше общение – он высказывает свое мнение и спрашивает мое. Это – настоящий разговор, а не обмен социальными условностями или товарами и услугами, к чему сводилось почти все мое взаимодействие с внешним миром. Мы болтаем еще о какой-то ерунде, попутно перебив еще пару десятков компьютерных террористов. Я гляжу на часы – уже полвторого ночи.

– Трон, я, пожалуй, спать. Все-таки завтра в офис.

– Давай, планктон. До выходных тогда?

– Ага.

Мне стало интересно, о каком сайте говорил Трон. Я вбиваю в поисковике слово «Лавер», но вместо сайта с украденными снимками старлеток натыкаюсь на свеженькую статью об их CEO, который явно не скупится на эпатаж. Я не замечаю, как мои веки тяжелеют, и я погружаюсь в тяжелый беспокойный сон, лицом на рояле.

Я просыпаюсь от крика и резко поднимаю голову, не сразу поняв, что заснул щекой на клавиатуре. Проклятый кот этажом выше, наверное, у него уже весна. На экране передо мной мигало новое сообщение в чате.

«Кажется, опять кто-то в дверь стучит», – написал Трон тринадцать минут назад.

«Трон, хватит параноить уже, спать иди».

Он онлайн, но ничего не отвечает. Я жду еще несколько минут, потом выключаю комп и, едва дойдя до спальни, падаю на кровать лицом вниз. Последнее, что я слышу, перед тем как провалиться в сон, это шорох и скрип у себя над головой. Чертов кот.

Лондон, 10 февраля

Сегодня в офисе тихо и по-весеннему светло. После обеда тут так всегда, все как будто вымирает. Я сажусь за свой стол и, углубившись в составление отчета для одного из топ-менеджеров, я не замечаю, как день подходит к концу.

Я иду пешком до кебабной Амира. На этот раз я немного раньше обычного, и мне приходится немного подождать, пока тот соберет мой заказ.

У себя, расправившись с едой и выкинув упаковку в мусорный бак: бумага – отдельно, пластик – отдельно, я завариваю чашку пуэра и устраиваюсь у компьютера. Что-то беспокоит меня, свербит где-то в подкорке. Трон. Я захожу в чат – он не был онлайн уже три дня, что было странно, но не исключительно. Примерно десять месяцев назад он пропал на двое суток, а потом объяснил, что переезжал и был занят подключением оптоволоконного Интернета на новом месте. С тех пор он был онлайн почти всегда, я просто привык, что он там, ждет меня, когда бы я ни зашел в чат. Наверняка и сейчас было не о чем беспокоиться. Черт, паранойя заразна, кто бы мог подумать.

– Куда ты делся, Трон? – вслух произношу я, кликая на его аватар и увеличивая картинку – старинный мем из нулевых – Джей Мейнард, полноватый американский программист, прославившийся на весь Интернет своим

светодиодным косплеем героя оригинального фильма «Трон» 1982 года выпуска.

Что я вообще знал о нем? За годы совместных боев мы едва ли обменялись и парой слов на личные темы. Я открываю чистый файл блокнота и записываю все, что знаю о нем. Без конкретных целей, просто из спортивного интереса.

1. Отлично говорит по-английски, но с акцентом. Акцент атрибутировать не могу – скорее всего человек, много живший в разных местах.

2. Айтишник, раньше работавший в офисе.

3. Определенно старше 30.

4. Живет один? (Потому что у него нет еды.)

5. У нас близкие часовые пояса.

6. Переехал/ушел с работы десять месяцев назад. Живет в месте, куда доставляет «Амазон» (работает Алекса) и где есть хороший Интернет, но нет доставок пиццы.

7. Хорошо образован.

8. Параноик?

Больше на Трона у меня ничего нет. Ничего очевидного. Я перечитываю список – он звучит как профайл неудачника на сайте знакомств. Я сосредоточенно думаю, прокручиваю все в голове. Его никнейм. Это часто бывает, и сам так делаю, когда используешь один и тот же ник в разных местах. Да, TronGuy это распространенное имя, но набор цифр в сочетании с ником образовывали редкую комбинацию. Но где еще он мог использовать его? В других играх? В социальных сетях? Тщетно, я посматриваю Твиттер и Инстаграм, лазаю по похожим аккаунтам, которые отличались только парой цифр, – нет, все не то. Да и навряд ли у Трона есть там аккаунты, не похоже это на него.

– Где ты прячешься, Трон? – шепчу я, постукивая ногтями по столу. – Ты – программист, ты работаешь из дома, ты постоянно онлайн. Но тебя нет в соцсетях для обычных людей. Но ты каким-то образом в курсе технических новинок и индустрии.

Тут меня осенило. Есть такая штука – GitHub. Это что-то вроде закрытого клуба технарей, а на самом деле – репозиторий кода, песочница, в которой играют программисты, место, где можно меняться наработками и советами. Именно оттуда начались многие истории успеха. Или истории сделки с дьяволом, смотря на какой стороне баррикад в войне между плотоядными корпорациями и оголтелыми идеалистами находитесь вы. Я вот до сих пор не уверен в своей позиции. Наверное, это потому, что я особо ничего не добился за свои почти тридцать лет. По крайней мере, по общепринятым стандартам и мерилам успешности.

Так или иначе, все эти истории начинаются с того, как ты выкладываешь свою поделку в GitHub, а утром раздается звонок из Фейсбука или Гугла с приглашением прийти на собеседование. Это случалось с некоторыми моими знакомыми, здесь и в Хельсинки. Когда ты смеешься и в шутку спрашиваешь их о том, каково это, стать частью корпорации, они с возмущением и пафосом заверяют, что все не всерьез, что переезд в Лондон/Нью-Йорк/Пало Альто их не изменит, а потом, год спустя, ты встречаешь их на улице, и они даже улыбаются по-другому.

Люди вообще часто дают это обещание, даже когда их не просят: «Я не изменюсь». Но они меняются уже в тот момент, когда произносят эти слова. Хотя я не знаю наверняка, что происходит там с ними на самом деле. Я никогда не был в числе лучших умов, тех, которым звонит Цукерберг[19 - Цукерберг – основатель Фейсбука (Facebook) – социальной сети.], хотя Ида Линн и уверяла меня в обратном. Не то чтобы я ждал, но, когда я выкладывал сюда свой код, мне никто не позвонил.

Я ввожу свой логин и пароль, замечаю, что интерфейс успел поменяться, хипстеры сумели проникнуть даже сюда – все было раздражающе удобным, хотя настоящие технари не должны запариваться с милыми кнопочками. Я вбиваю в поисковой строке логин Трона из игры – TronGuy1807176. Тронов тут была целая пачка, с разными постфиксами и префиксами. А вот комбинация цифр встречается всего раз.

IlayGGordon_1807176 – Илай Гордон. Кроме имени, информации тут почти нет, но я решаю покопаться в проектах, за которыми он следит. Все они, так или иначе, связаны с одной темой – безопасность данных. Вот откуда эта паранойя – он как минимум знает чего бояться.

Я ввожу в поисковике «Илай Гордон» + «Безопасность данных» и кликаю на клавишу «Найти». После пятерки нерелевантных результатов идет что-то похожее на джекпот. Некто Илай Гордон, фаундер стартапа, разработки которого использовали у нас в офисе для слежения за персоналом, выступал на Всемирном мобильном конгрессе в Барселоне 25 февраля прошлого года с докладом на схожую тему. Я кликаю на ссылку с видео. Если это он – я точно узнаю его по голосу. Я немного волнуюсь, от этого посмеиваюсь и накручиваю волосы на палец. Видео грузится, затем я вижу его. У него одно из тех лиц, по которым невозможно с уверенностью определить возраст. Темные курчавые волосы, угадывающиеся залысины, неловкая полуулыбка, пытливый напряженный взгляд. Это он, я узнаю этот скрипучий смех и вечно вопросительную интонацию. Я чувствую прилив эндорфинов. При всей неловкости момента (формально поиски информации о нем в Интернете делают меня сталкером) я искренне рад увидеть, наконец, лицо человека, которого я, в общем-то, считаю своим, вполне вероятно, единственным другом вот уже несколько лет. Это было так просто. Я представляю себе, как напугаю его, когда скину эту ссылку в наш чат, потом вспоминаю, зачем искал его.

– О, где же ты, Трон? – произношу я вслух, поставив видео с выступлением на паузу.

Где-то над моей головой, будто в ответ, начинает орать чертов кот.

Лондон, 14 февраля

В зиме для меня самое главное испытание – это пережить первую половину февраля, с ее нежданными снежными рецидивами и тревожными мыслями, думал я, придерживая за руль свой прыгающий вниз по ступенькам велосипед. Теперь все позади. Почти что.

Сегодня я проснулся пораньше, мне хочется провентилировать легкие, и я решаю проехать до офиса на велике вдоль канала. Мне нравится крутить педали и слышать в ушах ритм своего сердца, приятно чувствовать кожей ветер и вдыхать маслянистый запах воды. Мир проносится мимо, как будто я стою на месте, а набережная подо мной крутится по кругу, как декорация в компьютерной игре.

Ида Линн заговорила со мной первая, так, будто мы были друзьями всю жизнь. Вот так вот, ничего особенного, никакой захватывающей истории. Она просто сказала мне «привет» и протянула замызганный розовый наушник.

– Что там? – спросил я, с опаской вертя в руках похожую на перламутровую ракушку пластмассу.

Она кивнула, давая мне понять, что я должен вставить его в ухо. Я повиновался. Она внимательно следила за моим лицом, стряхнув с головы капюшон застиранного красного анорака.

– «Bruise Pristine», – сказала она на английском, сплюнув мне под ноги шарик жвачки. – Нравится?

Она смотрела мне в глаза, не отрываясь, беззвучно, одними губами повторяя вслед за дребезжащим в крошечном наушнике голосом вокалиста:

– In this matrix, it’s plain to see, it’s either you or me[20 - Строки песни группы «Placebo» – «В этой матрице легко увидеть тебя или меня».].

Она склонила голову набок, тряхнув расчесанными на прямой пробор, крашенными в черный цвет волосами. Я немного расслабился, позволив барабанному биту проникнуть внутрь своей черепной коробки. Есть какая-то мышца возле виска, которая всегда напрягается, когда я слышу громкие звуки, и глушит их, спасая мой мозг. В тот момент меня не нужно было спасать. В тот момент я встретил сразу две любви: Ида Линн Бронсен и Брайан Молко[21 - Брайан Молко – солист группы «Placebo».]. Они обе были единственные и на всю жизнь.

– Так что, нравится?

Я на секунду задумался, позволяя биту проникнуть еще глубже внутрь, а глазам – привыкнуть к ее маленькому дерзкому лицу. Это было не похоже ни на что из того, что было раньше.

– Ты кто? – спросила она, не дожидаясь моего ответа.

– В смысле?

– Ну ты гот, металлист, сатанист?

– Я… не знаю…

– Я – альтернативщица. – Она высунула язык и зажала между передними зубами маленький лиловый гвоздик, торчавший из его мягкой розовой середины, будто это было ее удостоверение личности. Мне захотелось спросить, альтернативщицей чему она была, но я только промолчал, возвращая ей наушник.

– Как тебя зовут?

– Сергей.

– Дебильное имя, буду звать тебя Серж.

Я только пожал плечами. Вдалеке показался мой автобус.

– Играешь на гитаре?

– Немного, – соврал я, прежде чем успел сообразить, как легко она может поймать меня на этой лжи. Впрочем, это была не совсем ложь.

– Круто, это очень круто. Я собираю группу.

– Вот как?

Юкка и мама заставляли меня молиться перед едой и слушать унылую душеспасительную музыку, в то время как все, кого я знал в Финляндии, слушали рок и носили толстовки с сердцами и пентаграммами. Несмотря на то что она красила волосы в черный цвет, Ида Линн недолюбливала готов и металлистов.

«Слишком просто, – говорила она, – Сатана это не ответ, веря в Сатану, мы только подтверждаем их доктрину, надо развалить их мир с помощью любви».

Ей нравилась другая музыка, та, в которой кроме рева гитар и басов были еще слышны слова. В начале нулевых такого было предостаточно. Ее любовь к «Placebo» доходила до культа личности и обожания, впрочем, я был готов разделить ее с ней. Собственно, я был готов разделить с ней все, что угодно – наушники, бутылку пива, диван, если мы оставались ночевать у кого-то из друзей.

Нашей главной трагедией было то, что «Placebo» никогда не приезжали в Хельсинки, а денег на то, чтобы поехать вслед за ними в тур, как мечтала Ида Линн, у нас, у двух нищих подростков, конечно же, не было. Конечно, ходили легенды об их визите на музыкальный фестиваль в 1997 году, но тогда ей было всего девять лет, а меня и вовсе не было еще в Финляндии. Поэтому мы довольствовались блэк-метал гигами, которых было предостаточно, и на концерты кого, проявив ловкость, а иногда и хитрость, она всегда умудрялась протащить нас бесплатно.

Мелодии и грохот концертов, теснота и близость ее тела, пот, свой, чужой, локти, головы и кулаки. Сначала я думал, что мне нужно защищать ее в мошпите, а потом я понял, что это от нее надо было спасаться – она не боялась никого. Мне оставалось только любоваться ее черными волосами, блистающими в сине-красных всполохах прожекторов, и крепко держать ее горячую влажную ладонь по дороге к бару, когда она тащила меня сквозь толпу. Она дала мне другую жизнь, отдельную и отличную от скудных радостей жизни обрюзгшего викинга и его истеричной христианки-жены.

Я так и не понял, как она это сделала, но спустя месяц у нас была своя группа – «The Wicked Games», в которой я неумело играл на электрогитаре и, как мог, пел, каждый день преодолевая свою боязнь быть высмеянным за акцент, прическу, имя или еще что-нибудь, другие два парня пытались обуздать барабаны и бас. Ида Линн просто болталась вместе с нами дни напролет в

гараже ее дяди и тети, с которыми она жила, рисуя огонь и черепа в огромном розовом альбоме, который она везде таскала за собой.

Ида Линн Брорсен родилась в Швеции, где-то на севере, близко к Полярному кругу. Она была сиротой и жила по очереди с многочисленными братьями и сестрами своей матери, то тут, то там. В 2000 году это была тетя София и дядя Олаф в зажиточном пригороде Хельсинки. Когда мы познакомились, Иде Линн было тринадцать. Она была рокершей, лгуньей и художницей. Она рисовала повсюду: в блокнотах, на партах и на стенах. Но больше всего она любила рисовать прямо на мне, на спине, на груди, на животе, руках и ногах, растянувшись внутри старенького «Вольво» ее дяди, которое она брала покататься, пока он уезжал из города по делам. Но это все было потом, а пока она была загадочным черноволосым сфинксом, который сидел на перевернутом мусорном баке с блокнотом, болтал в воздухе обутыми в истертые конверсы ногами, обгрызал с ногтей лак и критически морщил нос в то время, как мы мучительно изрыгали из себя каверы «Placebo» и «HIM».

Мы играли рок не потому, что поклонялись Сатане и хотели жечь церкви, как те парни в Норвегии начала девяностых, хотя, согласитесь, это было красиво. Дело было в том, что эта музыка давала ощущение принадлежности к чему-то важному и честному, что было полной противоположностью тому, чем жили и во что верили взрослые вокруг нас. Это был наш протест против «Икеи», против работы в корпорации, против кофе за два с половиной евро, машины в кредит и отпуска на пляже раз в год. Протест против всего, к чему нас подталкивала жизнь. Если нужно, мы готовы были поклясться на крови, что никогда не станем похожими на тех, кто принес нас в этот мир. Плюс к этому, играть готический панк ревайвал было куда веселее и проще, чем деф метал, да и английский я выучил благодаря текстам и разговорам с Идой Линн очень быстро, попутно довольно неплохо научившись копировать капризную бархатную интонацию Молко. Я приходил домой охрипший и потный, с остатками черной подводки на глазах. Юкка называл меня содомитом и дьяволопоклонником и грозился выгнать из дому. Но я ничего не боялся. У меня была настоящая семья – Ида Линн и парни из группы. А перевернутые кресты и пентаграммы, которые я рисовал на задних страницах тетрадей у себя в комнате, были только моим способом проверить, копается ли мать в моих вещах.

– Ослеп, бомж сраный! – раздается громкий вопль, слившийся со свистом тормозов. Я оборачиваюсь вокруг – я прямо посреди перекрестка, горит красный, справа от меня размахивает кулаком и изрыгает проклятия на кокни водитель

белого грузовика службы доставки. Я отворачиваюсь и еду дальше, не удостоив его даже своим средним пальцем. Хотя, конечно, это я виноват.

В офисе сегодня опять ленивый день. Двое коллег заняты обучением стажера, мои отчеты для менеджмента закончены еще два дня назад. Я иду по коридору до кофемашины, не той, что стоит в нашем крыле, а другой, в холле, возле лифта. У той поновее насос, поэтому эспрессо получается менее горький. Мой кофе уже почти готов, я лишь жду, пока с носика в термокружку упадут последние несколько капель, когда ощущаю позади себя чье-то присутствие. Я осторожно сдвигаюсь на шаг в сторону, изучая отражение в хромированной панеле кофеварки, и обнаруживаю позади низенькую блондинку с острыми розовыми ногтями. Бекка из отдела персонала.

– Серж, как дела?

– Хорошо, спасибо. – Я не знаю, что еще сказать ей, она перегораживает выход. Я переминаюсь с ноги на ногу, ожидая, когда она сдвинется вбок или уйдет.

– Здорово, отлично. Я тоже не жалуюсь. – Она улыбается, обнажив алюминиевую проволоку брекетов. – Хорошо, что я тебя встретила. Мы тут составили отчет об отпусках, и в нем явно какая-то ошибка.

«Отлично, – думаю я. – Придется помогать кадровикам разбираться с файлами-таблицами. Ну что ж, хоть какое-то дело».

– Какая? – спрашиваю я.

– По отчету выходит, что ты не был в отпуске больше четырех лет.

Она протягивает руку за чашкой, оказавшись так глубоко в моем личном пространстве, что мне в нос ударяет персиковый запах ее шампуня. Я делаю шаг в сторону, чуть не столкнув на пол корзину с фруктами.

– Аккуратнее, – спокойно произносит Бекка, одновременно нажимая на кнопку кофемашины и подхватывая летящее вниз яблоко. – Так что?

– Ошибки нет. – Я достаю из кармана телефон и проверяю почту. Пришла заявка на новый кабель для ноутбука. У Лины из юридического слетел пароль.

– Что значит нет? – Бекка делает еще один шаг на меня. – Ты хочешь сказать, что правда не был в отпуске четыре года?

Она размешивает сахар и слизывает с ложки молочную пену. Я только пожимаю плечами.

– Ну, так же нельзя, Серж. Ты доведешь себя до невроза от переутомления или еще чего похуже. И компания будет за это ответственна. Ты должен взять хотя бы неделю.

– Хорошо. Это все, что ты хотела сказать?

– Серж, я серьезно. Тебе нужно взять чертов отпуск. Не заставляй меня идти к твоему боссу.

– Я понял. Тебе не придется, Бекка. Хорошего дня.

Развернувшись, я начинаю шагать прочь, не дожидаясь ее ответа.

– Знаешь что, Серж? Тебе не обязательно всегда быть таким высокомерным! Не нужно путать…

Конец фразы я уже не слышу, я слишком далеко и напрягаю те самые мышцы в ушах, надо будет узнать их название, а еще посмотреть, что за узор у бетонных кубиков на площади, если смотреть на них с высоты.

Высокомерным? О чем это она? Горячий кофе расплескивается на манжету моей рубашки.

«Наплевать, куплю новую», – думаю я, прибавляя шагу и поворачивая за угол.

«Инсайд Секьюрити» – так называется компания, от лица которой выступал на конференции с докладом Илай. Я почитал о них в сети и выяснил, что Илай в последний год отошел от дел. Компания была известной, в узких кругах конечно

же. Я нахожу достаточно забавным то, что использовал в своей ежедневной работе разработанный Троном продукт. Сознание того, что он был бизнесменом и мог иметь дела, кроме зависания онлайн с грустными волосатыми парнями вроде меня, несколько поумерило мои опасения за его благополучие. Но тем не менее прошла уже неделя, день клонился к вечеру, а он так и не появлялся в чате.

Я нашел телефон европейского офиса компании. Номер был лондонский, но с изобретением айпи-телефонии это ровно ничего не значило. Физически они могли находиться где угодно от Архангельска до Тимбукту. Я глотаю свой кофе, обдумывая варианты развития событий. Первый – к телефону позовут Илая, тогда я просто положу трубку, удостоверившись, что с ним все хорошо. Второй, Илая не будет на месте, и я оставлю для него сообщение. Третий вариант – Илай больше не работает на них, и мне придется импровизировать, что было абсолютно нежелательно, учитывая непрокаченный уровень моих навыков общения с людьми.

Я набираю номер телефона и выслушиваю приветствие автоответчика, потом тридцатисекундный джингл, и трубку, наконец, берет писклявая секретарша:

– «Инсайд Секьюрити», Виктория, чем могу помочь.

– Добрый день, могу я поговорить с Илаем Гордоном?

– А кто говорит?

– У меня для него посылка. Я курьер, – вру я, глядя на кипу коробок с логотипом магазина, пылящуюся в углу кабинета.

– Мне очень жаль, но мистера Гордона нет в офисе.

– А когда он появится?

– Этого я не знаю, он… в отпуске.

– О-у-у-у, – протягиваю я с показным разочарованием. – А другой адрес у вас есть? Или номер телефона?

– Сожалею, но я не обладаю такой информацией, – грустно отвечает секретарша, будто бы ей и правда жаль. – Можете оставить посылку здесь.

– Это невозможно, это личное, документы под расписку.

– Мне очень жаль, – она вешает трубку.

Не сработало. Я жду около часа, развлекая себя чтением переписок отдела маркетинга в скайпе. Меня всегда немного будоражат эти фразы вроде: «Купить на пробу тысячу женщин до 35, желательно незамужних, но разведенки тоже подойдут». Потом прогуливаюсь до кофемашины возле лифта, впрочем, не решаюсь подойти близко, завидев Бекку, обсуждавшую с кем-то планы на вечер.

Наивно полагать, что в наше время можно где-то спрятаться или сохранить собственную анонимность. Если у тебя есть имейл – ты есть в базе. Все, где этот имейл использовался, все сайты, магазины, соцсети – все это можно найти бесплатно и куда проще, чем кажется на первый взгляд.

Я вбиваю название компании, где работает Трон, в поисковик на государственном сайте с реестром компаний. Если Трон был в совете директоров – его имя будет там, как и домашний адрес. Однако, к моему сожалению, его в списке нет.

Я пролистываю список контактов внутреннего чата, пока не нахожу нужное.

– Тебе пора обновлять прошивку, – пишу я Алексу, парню, занимающемуся проверкой данных клиентов, которым наш магазин предоставляет кредитные карты. – Занеси мне свой ноут, когда будешь уходить.

– Я оставлю на столе. Сам забери, я спешу.

– Ок.

Два часа времени и пять корпоративных долларов спустя я смотрю на адрес для корреспонденции мистера Илая Гордона, программиста по профессии, 1983 года рождения. И живет он от меня в получасе ходьбы.

Как же забавно, думаю я, все эти годы мой боевой товарищ был настолько близко. Получается, Интернет не только сближает, но и отдаляет людей.

Уходя из офиса, я предупреждаю Бекку, что, вероятно, на следующий день задержусь на несколько часов. Она поднимает бровь и смотрит на меня с каким-то непонятным мне выражением.

Лондон, 16 февраля

Вчера Трон так и не появился онлайн. Я проверил еще раз утром, перед выходом на работу – все так же безрезультатно. Он офлайн уже пять дней.

Мой план прост – прийти и позвонить в дверь. Если откроет Трон – скажу, что ошибся адресом. Если кто-то другой – снова представлюсь курьером. На всякий случай я даже захватил из офиса коробку с логотипом магазина. Все это кажется мне игрой, пока я думаю об этом так, выход из тесной и захламленной зоны моего комфорта представляется мне не более реальным, чем новая карта в онлайн-шутере.

Я выхожу из метро и минут десять иду пешком по Кембридж Хит Роуд, вдыхая запахи Лондона. Разведенный рапсовым маслом бензин, картошка во фритюре, уксус, сигареты, вчерашний джин в дыхании прохожих, корица и кофе, марихуана и моча, сырость, плесень, асфальт, пыль, земля, река. Я сворачиваю налево на Хэкни Роуд, потом еще раз налево и дальше по улице, пока не оказываюсь у нужной двери. Она сиреневого цвета, с бронзовым номером и горшками с какими-то маленькими синими цветочками по сторонам от порога. Улочка тихая, по одну сторону бежит длинная линейка аккуратных домов из бурого кирпича, по другую – сквер, школа, пара китайских забегаловок с котиками, машущими прохожим рукой из окна на счастье. Мне нравится Бетнал Грин, когда мы только приехали в Лондон, я хотел поселиться здесь. Но Ида Линн и слышать не хотела – ее слишком манил своими музыкальными вечерами и пикниками в парке Примроуз Хилл легендарный Камден Таун.

Нажав на звонок домофона, я прислушиваюсь к звукам по ту сторону. Все тихо. Я звоню еще раз, в надежде, что Трон – ночной житель – в девять тридцать утра еще попросту спит, но мне снова никто не открывает. Я хочу уйти, когда вдруг

слышу за спиной учащенное дыхание. Обернувшись, я вижу девушку лет двадцати в беговых кроссовках и толстовке с красной надписью «New York Fire Department». Она стоит, уставившись на меня, стирая с лица капли пота тыльной стороной ладони, потом вытаскивает из уха наушник, явно ожидая, что я заговорю первым.

– Доброе утро. Илай дома? – спрашиваю я, стараясь изобразить любезное равнодушие.

– Илай? – Она слегка сдвигает брови. – Нет, он во Франции.

– А когда вернется?

– А вы, собственно, кто такой? – Она глядит на меня исподлобья, обматывая наушники вокруг крошечного розового айпода.

– Я… – Что угодно, кроме правды, прозвучит как заученная ложь, это я знаю наверняка. Одно дело – врать по телефону, когда никто не видит, как я напряженно сверлю стену взглядом и разрисовываю листок бумаги симметричными узорами. Но сейчас та, кого я должен был обмануть, стоит от меня в паре метров и не сводит с меня глаз. – Я его старый друг… мы… вместе служили в… Багдаде.

Я слежу за ее лицом. Морщинка меж бровей чуть разглаживается.

– Он последнее время не отвечает на почту, телефона его у меня нет, вот я и решил зайти проверить, – продолжаю я, входя во вкус. – Мало ли что. А то работает из дома да только и играет в свои стрелялки.

Она внимательно оглядывает меня с ног до головы: поношенные, но ухоженные кожаные ботинки, черные джинсы, толстовка с капюшоном, застегнутая до середины груди. Подстриженная борода, волосы убраны в аккуратный пучок. Из нагрудного кармана куртки торчит бейдж с логотипом магазина.

– Он переехал на север Франции десять месяцев назад.

– Вот как… А вы?..

– Его квартирантка.

Я стою в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. У меня нет идей, что сказать ей дальше.

– Давайте поднимемся, у меня где-то должен быть адрес для пересылки кореспонденции, – вдруг говорит она, отпирая входную дверь.

Мы поднимаемся на второй этаж, и я останавливаюсь на пороге квартиры Трона. Его постоялица оставляет дверь приоткрытой, и сквозь щелку мне видна гостиная, залитая утренним светом, где посреди ковра валяется огромный черный кот. На секунду мы встречаемся глазами, и он с резким рывком отпрыгивает вон из поля моего зрения. Через несколько минут девушка появляется на пороге, у нее в руке ярко-розовый клейкий листочек.

– Вот.

Я тянусь за бумажкой, стараясь не прикоснуться нечаянно к ее коже, и пробегаю глазами по написанному: «Бретань, Франция».

– Спасибо большое.

– Пожалуйста, – она пожимает плечами. – Вы поедете к нему в гости?

Она застала меня этим вопросом врасплох.

– Да нет, вряд ли. Не знаю!

– Если поедете, или если он еще как-то выйдет на связь, передайте ему, что в ванной плохо уходит вода. Я вызову мастера, но вычту затраты из арендной платы. Хорошо?

– А? Да, да, конечно. – Я рассеянно смотрю на листок бумаги в своих руках. – А телефон он оставил?

– Нет, только почту. Но вы же говорите, он вам на нее не отвечает. Вот и мне тоже.

Я киваю.

– Наверное, я пойду. Спасибо вам.

Она легонько улыбается в ответ. На ее футболке проступает симметричное влажное пятно. Я сбегаю вниз по лестнице.

– А вообще, странно, что он не сообщил никому свои контакты. Вы не первый, кто его ищет, – кричит она мне вслед.

На работу я опаздываю всего на час. Листок бумаги весь день лежит у меня на столе. Каждый раз, глядя на него, я думаю о бессмысленности и безумии того, на что я почти готов решиться.

Я не верю в божественную природу человеческой души, и, уж тем более, я не верю в любовь. Есть химические реакции в мозгу, и только. Нет никакой дружбы, привязанности и всего прочего, только люди, с которыми нам удобно и только. Единственные две вещи, которые делают нас счастливыми – это серотонин и дофамин. Вот вам шутка из Интернета и один из постулатов мира, в котором я живу.

Я не знаю, почему Ида Линн выбрала меня. Было вполне очевидно, что двое других парней из группы влюблены в нее не меньше моего. Я был готов на дружбу, да что там, я был более чем счастлив просто находиться с ней в одной комнате. В ней было что-то особенное, что-то такое, отчего этот непонятный резкий громкий враждебный мир вокруг переставал быть чужим. Как будто до этого я был совсем без кожи, а она, одно лишь ее присутствие, защищало меня от ледяных вихрей долгой финской зимы, делало их прикосновение успокаивающим и приятным, синхронизировало рев гитар в динамиках с моим дыханием и сердцем, давало мне чувство покоя. С ней у всего появился смысл. У отцовского ухода, у маминого обращения в христианство, у безвинно убитой собаки, у долгой петляющей дороги на пропахшем дизелем и соленой рыбой автобусе, у школы, в которой меня все ненавидели. Все превратилось в замкнутую систему, где вершиной, наивысшей точкой всего был момент, когда там, на автобусной остановке после уроков, она протянула мне свой наушник. А потом тот момент в старом «Вольво», когда она засунула мою руку себе под свитер и поцеловала меня под только что вышедший «Sleeping With Ghosts»[22 - Песня группы «Placebo».], орущий на полную мощность их охрипшего динамика.

Конечно, мама и Юкка ненавидели Иду и запретили нам общаться в тот же день, когда увидели ее в первый раз. Наивные, они не знали, с кем имели дело. Она научила меня врать. Ничего криминального, просто социальная инженерия, как у мошенников в торговом центре, которые предлагают купить лотерейный билет. Всю жизнь скитаясь от одной тетушки к другой, она лучше всех знала, когда и что надо говорить, а главное – кому. Как извлечь максимум из неприкрытой ненависти матери к отцу и его чувства вины, впрочем, довольно неглубокого.

Это она придумала написать ему, рассказать о жизни с Юккой, молитвах и постах, о долгой черной зиме, о том, как меня не любят в школе. Это было гениально. И это даже не было ложью, просто альтернативная версия реальности. «Главное – самому верить в эту полуправду, тогда и другие поведутся», – так говорила мне Ида Линн.

Я последовал ее словам, и вместо ответа отец стал присылать мне деньги, которые мы тратили на мятный ликер, сигареты и билеты на музыкальные фестивали, где все надеялись увидеть «Placebo». Тогда мне казалось, что мы – настоящие бунтари, что мы – пропащие, как ребята в том фильме из восьмидесятых, который обожала Ида Линн. Через год после переезда мама вышла замуж за Юкку официально, хотя в церкви они поженились еще давно. Я взял его фамилию, чтобы смешаться с толпой. Так я стал Сержем Веналайненом, человеком, чью национальность не угадать никому.

После школы я поступил в университет в Хельсинки на технический факультет и получил свою первую работу системным администратором. Тетя Иды Линн, ветеринар, наняла еще двух сотрудников, и я настроил для них внутреннюю сеть. Потом появилось еще несколько клиентов. Ида Линн работала несколько часов в день мастером по пирсингу в торговом центре. Она не ходила в университет, она была свободным художником и часто принимала участие в протестах антиглобалистов возле здания вокзала. Я так и не понял связи между искусством и политикой, но она сказала мне, что я и не должен понимать, я человек науки, и в этом моя сильная сторона.

Конечно, она была права. В юности, осознав, что рок-звезда из меня никакая, я задался целью стать программистом, а еще лучше – хакером. Они казались круче рокеров, точно умнее, и не надо столько общаться с людьми. В шестнадцать я прочитал книжку того странного русского парня, кажется, он

недавно умер – Крис Касперски. Она называлась «Техника и философия хакерских атак». Там говорилось о том, что взлом – это разрушение, а разрушение – путь познания. Мне нравились эти слова, я тоже стал называть себя «кодокопателем». У Юкки был компьютер, и я часто ковырялся в нем тайком. К выпускному классу, не без помощи методик Иды Линн по манипуляции чувством вины отца и ненавистью матери, я накопил на собственный компьютер и занял программированием все свое свободное время, пока Ида Линн рисовала огонь и глаза тьмы или прокалывала пупки своим толстым подружкам.

На обеде я снова иду в парк. Сидя на той же самой лавке, что и неделю назад, я еще раз удостоверяюсь в том, что Трон так и не был онлайн. Потом я вбиваю в поисковике сайт продажи авиабилетов.

Это было той весной, когда я готовился к экзаменам на бакалавра. Именно тогда я впервые заметил золотистую полоску у нее в проборе – так я понял, что она решила избавиться от своих черных волос. Ей не хватило терпения, она была слишком порывистой для того, чтобы просто ждать. Сначала она пыталась смыть краску растворителем, и ее волосы почти истлели, стали тонкими и колючими, как корка на весеннем снегу. Тогда она взяла ножницы и отстригла их перед зеркалом в прихожей, вернувшись с работы, не снимая куртки и ботинок.

Я помню пряди на полу, сметенные в кучу вместе с пылью и мусором, они так и остались там, пока я не вынес их в сад. Я решил, они могут пригодиться птицам для гнезд, и выбросил их во двор. Это был конец эпохи. Тогда я еще не знал, что вместе с этими волосами уйдет и ее любовь к «Placebo», которых теперь заменят какие-то более модные парни из Лондона во главе с татуированным черноглазым вокалистом. Впрочем, с ней это было не в первый и не в последний раз. Она любила разбиваться на части, каждый раз собирая заново немного измененную версию себя.

Тем вечером, под одеялом, когда я уже почти спал, Ида Линн сказала, что Хельсинки – слишком маленький город, что она задыхается, что люди здесь узколобые, а мечтателям, таким как мы с ней, тут просто негде развернуть крылья. На свете есть места, где мы можем стать, кем захотим.

«Какие?» – спросил я.

«Лондон».

Сквозь сон я помню, что сказал ей: «Да!» Я хотел быть только с ней, мне было все равно, в каком городе. Мы купили билеты в один конец и улетели, не дождавшись экзаменов. Тогда я не знал, что оставляю позади не только Хельсинки.

Рядом со мной на лавку приземляется огромная чайка. Она смотрит на меня, моргая глазами. Может, эта птица, которая прилетает ко мне уже второй раз, один из знаков, которые ждала Ида Линн? Птица, самолет. Я поднимаю глаза в небо и вижу высоко над головой в просвете меж облаков длинный белый пунктир.

Я не боюсь летать. Я знаю, как устроен двигатель самолета, что заставляет его лететь, а что – падать. И я совсем не боюсь смерти, потому что она – неизбежный химический процесс, который уже запущен в каждом из нас. А вот Ида Линн боялась. Не смерти, смерть не страшила ее, а именно летать, знать, что под ногами нет земли. Она крепко прижалась ко мне на посадке в Лондоне, до боли впилась в мое запястье своими влажными от нервной испарины острыми пальчиками. Было темно, били молнии, самолет здорово потряхивало. После паспортного контроля она сказала, что гроза – это знак. Что-то в темноте без конца манило ее. Она твердила о том, что мир – живой, он шевелится и дышит, пульсирует и выгибается, если нажать на него. А иногда ей снились кошмары, и она просыпалась, вся промокшая от пота, и бродила по квартире, тихонько вздыхая и думая, что я ее не слышу. То, от чего она пыталась бежать, когда мы покинули Скандинавию, последовало за ней.

Зачем обманывать себя? По ту сторону нет ничего. Там, в темноте, не прячется никакого другого мира. Там только сама темнота. Впрочем, то, что по эту сторону, тоже не особо-то радует. Думаю, моя главная проблема с этим миром заключается в том, что в нем нет никакой системы, никакого высшего принципа, никакого порядка или тайного смысла, объясняющего все вещи. Есть только хаос, который вращает нас вверх ногами, пока мы пытаемся анализировать предметы, которые пролетают мимо нас в вихре смерча, выделить из них те, которые гармонично вписываются в наше видение мира. А я просто, как всегда, хочу докопаться до истины, разложить все по чертовым полочкам, расставить все точки. Увидеть все концовки. Как там еще это называют? Я не могу оставить вопрос неотвеченным, не терплю недосказанностей. Эта моя черта так отчаянно бесила Иду Линн с самого нашего детства.

Я нажимаю кнопку «купить» на холодном стекле телефона. Собственно, даже не кнопку, а картинку, проекцию чьего-то воображения, которую создала какая-нибудь миловидная девушка графический дизайнер, сидя за большим монитором в светлом и просторном офисе без стен, с музыкой в наушниках и фотогеничным латте возле клавиатуры, обязательно слева, чтоб нечаянно не опрокинуть его локтем. Кнопка выполняет свое предназначение.

Мой рейс до Рена отправляется в три пятнадцать в пятницу. Придется снова пораньше уйти с работы.

Бретань, 17 февраля

Я не помню, когда последний раз куда-то летал. Мне некуда, да и незачем. Семью я не навещаю. Мама с Юккой произвели на свет девочек-близняшек в тот год, когда я поступил в университет, и потеряли всякий интерес к моей дальнейшей судьбе. Отец звонил последний раз года три назад. Это был типичный разговор двух интровертов – мы просто поздоровались, а потом немного подышали в трубку. С тех пор он ограничивался только эсэмэской, которая приходила поздно вечером в мой день рождения. Иногда он был единственным, кто напоминал мне о нем.

Я еду налегке, с рюкзаком и каким-то странным томительно-приятным ощущением, теснящимся у меня в груди. Крошечный самолет начинает трясти и подбрасывать в тот самый миг, когда его приплюснутый синий нос погружается в пепельно-серые облака над Нормандией. Когда несколько минут спустя мы выныриваем по другую сторону мглы, моим глазам открываются бескрайние бурые луга, кое-где все еще прикрытые подтаявшей глазурью заморозков. Маленький аэропорт пуст и гулок. Я кашлем бужу дремавшего клерка в окошке автопроката и арендую новенький «Ситроен» со встроенным навигатором.

До Плугерну, деревеньки, где обитает Илай, два с небольшим часа хода, через промокшие поля, мимо одиноких домишек, выстроенных из добытого на прибрежных каменоломнях известняка. Кругом закрытые ставни, будто идешь через комнату, полную спящих людей.

Огни фар встречных грузовиков расплываются в густой дымке. Я так давно не сидел за рулем, слишком давно.

«Свуп-свуп, свуп-свуп», – с механическим присвистом скользят дворники, соскребая с теплого стекла тонкую пленку тумана. Вдоль дороги, которую явно проложили еще во времена римских завоеваний, то и дело встречаются выточенные из камня глыбы. Не такие, как друидские храмы в Сомерсете, но что-то похожее. Наверное, с их помощью древние бретонцы выражали преданность своим жестоким старым богам и просили их сберечь своих женщин и урожай.

Внезапно мне вспоминается такой же серый день, лента шоссе перед глазами, стены из валунов по краям. Я – на пассажирском сиденье старенького «Вольво» ее дяди. Хрип Молко из колонок. Запах пыли, подгорающей в радиаторе, смешанный с почти выдохшейся ванильной «елочкой», болтающейся под зеркалом заднего вида и сигаретами. Ида Линн за рулем, мы съезжаем с моста, похожего на позвоночник мамонта, и тормозим на заправке. Я уже и не вспомню, куда мы ехали. Да и важно ли это?!

Дождь усиливается в тот момент, когда я въезжаю в поселок. Тяжелые капли вдребезги бьются о лобовое стекло, как самоубийцы, летящие с вершины небоскреба. Боковым зрением я невольно слежу за отражением моего белого «Ситроена», скачущим по стеклам пустых витрин торговой улицы, не отстающим от меня ни на шаг. В воздухе витает то особое ощущение тленности, которое встретишь только в курортном городке в разгар зимы. Я сворачиваю в одну из боковых улиц и еду по направлению к морю, вдоль линии белоснежных домиков с черепичными крышами, законсервированными и терпеливо ждущими своего часа, как пластиковые рождественские ели в середине июля.

Эта деревня – явно одно из тех мест, где пара тысяч человек местного населения выживает исключительно за счет курортного сезона, когда красивые и пустые дома с разноцветными ставнями, ступеньками, ведущими к морю, и лодочными гаражами оккупируют престарелые жители окрестных европейских государств, желающие тратить свои пенсионные евро на лобстеров и сидр в бутылках от шампанского.

Я делаю еще один поворот, проезжаю через поле и оказываюсь на улочке аккуратных двухэтажных домов с окнами в мансардах. Опустив стекло, я безуспешно пытаюсь найти глазами нужный номер. Возле синего фасада с

надписью «Буланжери» изящным курсивом навигатор приказывает мне остановиться. Я паркую машину прямо у дверей и выхожу, почесывая затылок под резинкой для волос.

«Каковы шансы, что Трон поселился над булочной?» – думаю я, вытаскивая из багажника свой рюкзак.

Я иду вниз по улице, всматриваясь в окна. Не знаю, что я хочу там увидеть, наверное, просто удостовериться, что в этом поселке есть хоть кто-то живой в этом «Сайлент Хилле».

Впереди, на боковой стене немного выступающего вперед дома, нарисована недовольная русалка с синими морскими звездами вместо сосков и вывеской «Le Franc Bord» под мышкой. Позади нее распахнутая дверь.

«Совсем как в игре», – думаю я, спеша вперед и, на всякий случай, оглядываясь кругом в поисках куска арматуры.

Заведение оказывается гостиницей с занюханным баром внизу. По ноздрям сразу же бьет запах древесины, изъеденной жучками, сладковатый и омерзительный. За стойкой я вижу девушку, как две капли воды похожую на русалку со стены. Она читает книгу, облокотившись на бар.

– Бонжур. – Она бросает на меня быстрый взгляд выпуклых глаз, снизу вверх.

– Бонжур… хэллоу, – отвечаю я, смутившись от вида розовых веснушек на ее переносице.

– Как я могу вам помочь?

Впрочем, ее лицо говорит о том, что помогать она мне совершенно не хочет.

– Я ищу один адрес, здесь, в деревне, – я показываю ей сохраненный в телефоне маршрут.

– Это два дома отсюда, булочная. – Она переводит глаза на книгу, которая оказывается потрепанным изданием «Старика и моря».

Внезапно в раскрытую дверь влетает порыв ветра, ледяной и влажный.

– А вы не знаете, над магазином кто-нибудь живет? Например, мужчина, иностранец?

Она встряхивает головой, будто отмахиваясь от назойливого насекомого. У меня уходит пара секунд на то, чтобы сообразить, этот жест означал, что ответ отрицательный.

– Мерси, – бормочу я, направляясь к выходу.

Ветер усиливается. Крупные капли дождя несутся наискось, почти параллельно земле. Я прижимаюсь лбом к витрине, вглядываясь внутрь. Над прилавком горит лампочка. Я толкаю дверь и вхожу. Над моей головой брякает колокольчик. В этот момент из подсобки выходит не старая еще, но абсолютно седая дама в очках с изогнутой оправой, делавшей ее похожей на сиамскую кошку.

– Bonjour, monsieur![23 - Добрый день, месье (перевод с французского).] – мурлыкает она.

Я снимаю капюшон, уронив на пол пригоршню дождинок.

– Bonjour, Madame[24 - Добрый день, мадам (перевод с французского).], – вежливо отвечаю я и перехожу на английский, произнося все слова медленно и громко, будто говорю с ребенком. Так делают все англичане в Европе. – Я разыскиваю своего друга, он из Лондона. Переехал сюда десять месяцев назад. Такой брюнет, немного лысеет, большие глаза. – Я ловлю себя на том, что показываю рукой зачесанные назад волосы и провожу рукой по глазам. Лицо моей собеседницы сохраняет недоуменное выражение. – Месье Гордон? Илай Гордон? Мне сказали, что остановился здесь, по этому адресу. Я его старый друг.

Продавщица склоняет голову набок, ни дать ни взять кошка на подоконнике. Я повторяю, громче и медленнее: «Месье Гордон?», сделав ударение на второй слог.

– Ah, oui![25 - О, да (перевод с французского).] – Ее лицо расползается в изогнутой, как полумесяц, улыбке, и она объясняет мне, в основном знаками и жестами, что месье Гордон снимает коттедж на берегу моря, дом ее сестры, и что он заходит в булочную за продуктами и почтой два раза в неделю. Она роется за прилавком, затем достает сувенирную карту местности и обводит красным фломастером тупиковый конец переулка возле маленькой бухты. Я благодарю ее, сам не знаю зачем, покупаю несколько открыток с видами деревни, которые лежат возле кассы, и возвращаюсь в машину.

В висках гулко отстукивает сердце – это адреналин, азарт охотника, как в компьютерных играх, которые свели нас с Троном.

Я нашел, я выследил его, я победил.

На секунду мне становится странно от того, как легко все это далось. Еще каких-то десять минут, пятнадцать, если будет сложно найти парковку, и моя миссия подойдет к концу.

Какое-то время я просто сижу с заведенным двигателем в машине, всматриваясь сквозь запотевшее лобовое стекло в несуществующую границу между небом и морем в конце дороги. Я стараюсь не думать о том, что я делаю здесь, посреди этого странного места. И зачем поехал сюда. Щелкнув рычажком, я включаю дворники. «Свуп-свуп» – и картинка вновь обретает четкие контуры. Все очень просто – я ищу своего друга.

Десять минут спустя я паркую машину на подъездной дорожке двухэтажного каменного дома с мансардой. Синие ставни наглухо закрыты. Взяв с пассажирского сиденья свой рюкзак, я тянусь назад за пакетом из дьюти-фри. Сам я не пью, но, если я правильно понимаю социальные нормы, нельзя явиться в гости без приглашения и с пустыми руками. Поскольку Трон был мужчиной, и мужчиной взрослым, я счел, что бутылка шотландского односолодового виски вполне подобает случаю.

Я гашу двигатель и выхожу под дождь. Вдохнув пару раз терпкий йодистый ветер Атлантики, я ныряю под козырек крыльца и громко стучу в дверь. Потом я прикладываю ухо и задерживаю дыхание, стараясь не дать шуму дождя перекричать звуки дома. Но мне не слышно ничего, кроме завываний ветра и шелеста волн. Я снова стучу, без ответа. Потом возвращаюсь назад к машине и

забираюсь на водительское сиденье. Наверное, Трона нет. Я решаю подождать, включаю журчащую французскую болтовню по радио и позволяю своим векам на секунду закрыться.

Меня будит крик чайки, пронзительный и грубый, как матерная ругань из уст седой старухи. Дождь кончился. Небо сочится розовым предзакатным светом. Я поднимаю капюшон, выхожу из машины и снова стучу в дверь. На этот раз мне кажется, что изнутри доносятся какие-то голоса. Я оглядываюсь по сторонам. Соседний дом, брат-близнец коттеджа, где обитает Трон, построен почти вплотную, но между ними есть проход. Позади домов небольшая площадка, где стоит позеленевшая от мха лавка и каменный крест, обведенный в круг наподобие кельтской руны, посреди высоких зарослей засохшей травы. В нескольких шагах впереди шипит и бьется о скалистый берег Атлантика.

Я гляжу вниз с обрыва и вижу тропинку, которая, извиваясь, струится вниз, к самой воде. У подножия белеет маленький пляж, дикий и безлюдный. Впереди справа, в километре от берега, трепещет в волнах крошечный островок, один из таких, пробраться куда из-за прибрежных скал можно только во время отлива. Посередине высится приземистый белый маяк, вокруг которого медленно кружатся чайки.

«Я бы тоже хотел зимовать здесь», – думаю я, открывая щеколду незаметной калитки в живой изгороди.

Газон нестриженый, но зеленый и влажный от дождя. Кеды моментально промокают. Приблизившись к дому, я прижимаюсь к стеклянной двери веранды и снова слушаю. Голоса доносятся откуда-то издалека, наверное, со второго этажа. Я стучусь, скорее из вежливости, чем вправду ожидая, что мне удастся привлечь внимание обитателей. Потом, секунду помедлив, в последний раз продумываю, что скажу Трону, который, вполне возможно, будет не рад меня видеть. А зная его склонность к паранойе, может даже узреть в моем визите что-то угрожающее его безопасности.

Стеклянная дверь поддается мне с тихим сухим свистом. Я вхожу внутрь. Голоса становятся громче и кажутся какими-то смутно знакомыми.

– Позволь дать один совет, – говорит женщина с американским акцентом. – Не лги, он знает практически все.

В доме почти так же холодно, как на улице. Осмотревшись, я замечаю широкую деревянную лестницу в центре комнаты. Слева от нее находится гостиная с потертыми кожаными диванами и камином. Справа – заваленная грязной посудой кухня.

– Догадываюсь, сейчас ты чувствуешь себя Алисой, падающей в кроличью нору, – произносит мужчина. – Ты выглядишь как человек, который уверен, что спит и вот-вот проснется.

– Илай! – зову я, перекрикивая незнакомца.

Тишина.

Не разуваясь, я поднимаюсь наверх. Над разделявшей лестницу на две части площадкой виднеется окно, из которого вниз глядят иссиня-серые грозовые облака, такие низкие, что, кажется, они просто лежат на крыше.

– Илай, это Мистер Андерсон, который 666! Ты дома?

– …Неприятно думать, что тобой манипулируют… – разговор все ближе и ближе, я будто бы начинаю узнавать голоса.

– Илай Гордон?

Дойдя до верхней ступеньки, я вижу, что все двери, их было четыре, распахнуты настежь. Я иду на звук.

– Эй, Трон! Только не говори мне, что у тебя там АК-47 и дымовухи. Это я, Мистер Андерсон, из… игры.

Я вхожу в дверь в самом конце коридора.

Я где-то читал, что на самом деле кровь ничем не пахнет. То, что мы принимаем за ее запах, лишь проекция нашего сознания, сформированная в ходе эволюционного развития. Кровь должна пугать, поэтому она пахнет, как железо, из которого сделано оружие, особенно при контакте с человеческой кожей.

Я не знаю, соответствует ли это все истине, но первым, что я чувствую, перешагнув через порог, это запах. Такой, как когда разбиваешь копилку с мелочью. Металлический, сладковатый, резкий. Медленно вокруг начинают проступать контуры предметов.

Ставни в спальне Трона наглухо закрыты. Единственный источник света – мерцающий в дальнем углу крошечный телевизор. На экране – двое мужчин, они сидят напротив друг друга в мрачной комнате с высоким потолком.

– Я тебя прекрасно понимаю. Объясню, почему ты здесь. Потому, что ты что-то понял, ты не можешь выразить это, но ощущаешь. Ты всю жизнь чувствовал, что с миром что-то не так. Странная мысль, но ее никак не отогнать. Она как заноза в мозгу, она сводит с ума, не дает покоя. Это и привело тебя сюда, – произносит Морфеус, пряча глаза позади зеркальных очков.

Сейчас он выберет таблетку. Я наблюдаю за тем, как фигуры на экране отбрасывают мерцающий голубоватый свет прямо на кровать, туда, где, свесившись головой вниз почти до самого пола, лежит человек. Или правильнее сказать тело человека? В какой момент мы переходим эту грань?

Одной рукой он будто прикрывает затылок, другая изогнута под неестественным углом у него под грудью. Он мертв.

Лица его мне не видно, зато я вполне отчетливо вижу кровь на простынях, на паркете, запекшуюся толстой бурой коркой в его жиденьких кудрях. Она похожа на жижу, которая вытекает из старых батареек.

Потом я замечаю бардак. Содержимое шкафов разбросано на полу: одежда, книги, газеты. Фантики от энергетических батончиков. Вокруг маленького письменного стола в углу, как капельницы, висят провода. Я атрибутирую их – Интернет, монитор, ноутбук, что-то еще, возможно, колонки или принтер. Самих устройств я нигде не вижу. Единственное, что осталось нетронутым в царящем кругом хаосе, был старенький пузатый телевизор на комоде напротив кровати.

– …она повсюду, даже в этой самой комнате… – продолжает Морфеус.

Я делаю несколько шагов к кровати, стараясь не наступить на груду вещей, разметанных по полу, оборачиваю ладонь рукавом и поднимаю пульт,

валяющийся у изголовья. Фигуры на экране исчезают в темноте.

Я спускаюсь вниз, неслышно ступая по ковру на кухню, открываю кран с холодной водой, делаю несколько глотков ледяной воды и, глядя на проступающий сквозь туман контур маяка, прикидываю возможные варианты. Потом достаю из кармана телефон и делаю звонок.

Копов двое. По крайней мере, сначала их двое. Тот, что помоложе, говорит на ломаном английском, это он принимает у меня заявление. Полицейский постарше осматривает меня долгим, полным недоверия взглядом, затем они оба поднимаются в комнату Трона. Я слышу, как они разговаривают между собой на бретонском. Минут двадцать спустя место уже напоминает берег Нормандии 6 июня 1944 года.

«Скорая», судмедэксперт, еще двое копов, какие-то непонятные люди. В углу заливается слезами женщина-кошка, хозяйка булочной, и ее сестра, подоспевшая из Бреста. Судмедэксперт и бригада «Скорой помощи» констатируют факт смерти месье Илая Гордона, 1983 года рождения.

Я невольно усмехаюсь тому, что для этого им потребовалось три человека. Коп постарше бросает на меня косой взгляд. Я сижу за столом и кручу в руках свой телефон, в ожидании, когда все это закончится. К тому времени, как Трона кладут в мешок и выносят из дома, уже совсем темно, и каждые пару секунд заросшие щетиной лица сидящих за столом напротив меня копов освещает беспристрастно-белый луч маяка.

Я сверлю глазами дверцу холодильника позади одного из копов. На ней, прижатая за край большим керамическим магнитом в виде маяка, висит фотография. Четыре кадра из фотобудки, полоска, как фото на документы. На них Трон и две девушки, блондинка и брюнетка, и дата – 24 февраля.

Кудри Трона на карточке стоят почти вертикально вверх и поблескивают, так, что я не могу отделаться от мысли, что он явно переборщил с гелем для волос. Отключившись от непонятного разговора, я придумываю, как пошутить над ним по поводу волос и залысин, которые он так ревностно пытается скрыть, в следующий раз, когда мы будем общаться…

– Месье Веналайнен, поясните, пожалуйста, еще раз для моих только что прибывших коллег, что вы делали в доме мадам Руссо, который арендовал у нее месье Гордон? – спрашивает молодой коп, коверкая мою фамилию сразу в двух местах.

Я делаю глубокий вдох. Это уже третий раз. Я отхлебываю воду из стакана, который кто-то заботливо поставил передо мной. Разговор длится уже около часа, и я начинаю жалеть, что вообще позвонил в полицию. Хотя выбора у меня не было. Я слишком наследил по дороге сюда, слишком многие знали о том, что я разыскивал Трона: его бывшие коллеги, квартирантка, хозяйка булочной.

Проходит еще около часа, полицейские снуют и снуют по дому, посыпают лестничные перила и дверные ручки черной графитовой пудрой, метут сверху маленькими метелками, то и дело щелкает затвор камеры и мерцает вспышка. Стакан воды передо мной сменяется бумажной чашкой эспрессо. А я все сижу за столом, наблюдая за лучом маяка и рассматривая фотографию с холодильника.

Наконец ко мне подходит молодой коп.

– Месье Винолайнен, информация о том, во сколько вы прилетели во Францию, подтвердилась. Также ваш работодатель заверяет, что вы были в офисе все предыдущие дни.

Я киваю, ожидая, что он скажет дальше.

– Сейчас вы можете идти, но мы попросим вас приехать в полицейский участок в Бресте завтра в девять часов утра. Нам нужно еще раз взять у вас показания.

Я послушно киваю и встаю.

– Когда это случилось?

– Мы пока не знаем. Я очень сочувствую вашей утрате. – Лицо молодого человека принимает подобающее случаю выражение – участливое, но формальное.

– Что произошло?

– Скорее всего ограбление, – отвечает полицейский, легко пожав плечами и записывая что-то в блокнот.

Мне нужно где-то переночевать. Из мутных вод моего подсознания тут же выныривает русалка. Сначала та, что нарисована на стене, а потом вторая, веснушчатая и неприветливая. Потом она превращается в Иду Линн, смеется и бежит куда-то к воде, которая внезапно вспыхивает длинными алыми лучами и течет куда-то вверх. Я открываю глаза и долго моргаю, давая себе привыкнуть к темноте.

Я в машине, на парковке, напротив дома Илая. Невдалеке все еще переливаются мигалки полицейских машины. Я завожу двигатель, не понимая, как мне удалось отключиться вот так, только лишь сев в машину. Езды до гостиницы десять минут, но я делаю крюк и подбираюсь к морю с другой стороны бухты.

Дождь закончился.

Погасив двигатель и выйдя из автомобиля, я долго стою в темноте, следя взглядом за бродившим вдалеке лучом маяка, так долго, что глаза начинают слезиться от напряжения.

Бретань, 18 февраля

Я знаю о смерти все. Мне уже приходилось бывать здесь, на этих пустынных берегах, куда тебя выбрасывает после того, как она прикоснулась к тебе.

Дом, который должен быть пустым, вспугнутый грабитель, возглас в темноте. Мужчина, засыпающий с сигаретой в зубах под жужжание ночного телеэфира. Поворот заснеженной дороги, слепящие огни встречки, свист тормозов и чувство невесомости. В смерти нет никакого собственного смысла, это всегда цепь трагических случайностей, еще один виток в ДНК хаоса.

Не то место, не то время. Или, наоборот, то самое место и то самое время. Все зависит от того, веришь ли ты в судьбу. Хотя так ли это? В любом случае вера

ничего не меняет. Конец всегда одинаков, по крайней мере, для тех, кто уходит. Это мы, оставшиеся позади, размышляем о том, было или не было в наших силах остановить этот механизм, и без конца разбираем ту самую, последнюю минуту до взрыва, до самых косточек. Обсессивно, компульсивно и абсолютно безнадежно.

Я сажусь на краешек неприбранной гостиничной кровати и открываю ноутбук.

Часы в уголке экрана показывают три утра, в комнате промозгло и зябко, мое дыхание повисает в воздухе и оседает влажной пленкой на мутных оконных стеклах. Набросив на плечи тонкое гостиничное одеяло, я тщетно пытаюсь согреться, растирая ладони. Одеяло, похожее больше на толстый верблюжий плед, покалывает сквозь футболку, от него исходит запах, едва уловимый, но узнаваемый, – так пахнет средство для травли постельных клопов.

Мне сразу вспоминается наша кровать, купленная в мебельной комиссионке в Криклвуд, созвездие малиновых укусов, растянувшееся вдоль ее позвоночника. Меня они ни разу не тронули, Ида Линн смеялась, что у меня, наверное, слишком холодная кровь.

Я открываю ноутбук. История нашей переписки с Троном не такая уж и длинная, последние месяцы мы почти всегда общались голосом. Я прокручиваю чат вверх-вниз, тупо уставившись в экран: ссылки, мемы, песни.

Что я буду делать без него?

Трон был моим единственным поставщиком свежих сленговых словечек и шуток, которые потом можно пересказать ребятам в нашем закутке технарей.

В моей голове звучит его голос, смеющийся, хриплый, совсем не вязавшийся с этим голубоватым бескровным лицом с закатившимися глазами, выглянувшим на секунду из черного пакета на молнии, когда полисмены выносили его вниз по лестнице. Я прокручиваю в голове наш последний разговор.

Паранойя, сайт знакомств, голые знаменитости… Довольно типичный набор тем для парня из айти-отдела, если вдуматься. Но было что-то еще… что-то важное… Мне нужно вспомнить, сконцентрироваться. Можно пойти на пробежку, движение помогает думать, но я не могу даже помыслить о том, чтобы скинуть с

себя одеяло.

Я откидываюсь на кровати и закрываю глаза, позволив мыслям бесцельно плескаться под моими опущенными веками, набегая и откатываясь назад, как волны.

Холод медленно отступает. В такие моменты ко мне часто приходит она, Ида Линн, но сегодня я зову не ее. Я позволяю себе провалиться чуть глубже в тишину и терпеливо жду. Внезапный резкий звук, как будто удар цимбал или взрыв, и вот оно, мое послание в бутылке, лежит на берегу, поблескивая в молочном сиянии луны. Я открываю глаза и сажусь на кровати.

На часах без четверти четыре утра, темнота за окном стала почти кромешной, но это только мне на руку. Я бесшумно выскальзываю через заднюю дверь, оставив машину на парковке, и шагаю по ночной деревне. В темных окнах то и дело дробится луч маяка, который будто указывает мне путь до самого дома Трона.

Если говорить честно, я ожидал увидеть там патрульную машину или полицейскую ленту, что-то, пусть даже символическое, но значимое, что могло бы помешать мне сделать то, что я задумал. Но дом темен и пуст. Уже знакомым жестом я втягиваю ладони в рукава и обхожу его по тропинке. Задняя дверь поддается с тихим скрипом – должно быть, копы оставили ее незапертой, потому что тут нечего больше красть. Я оставляю обувь на улице и переступаю через порог босиком, стараясь не дотрагиваться до разводов черной пыли на внутренней стороне стекла, там, где полицейские снимали отпечатки пальцев, которые потом будут сравнивать с моими.

Остановившись посреди комнаты, я жду несколько минут, позволяя глазам привыкнуть к мраку, а ступням – к замогильному холоду. Из окна над кухонной раковиной струится мягкий ночной свет. Я подхожу ближе и, подсвечивая фонариком в телефоне, оглядываюсь по сторонам.

Мой взгляд падает на дверь холодильника и то самое фото, которое я разглядывал, пока ждал своего допроса несколькими часами ранее. Не давая себе времени на раздумья, я вытаскиваю тонкую полоску фотобумаги из-под державшего ее магнита и сую в карман, потом возвращаюсь во мрак гостиной и продолжаю двигаться вперед. Вскоре из темноты материализуются перила, уходящие вверх под сорок пять градусов.

Первая ступенька издает пронзительный скрип, через окно в крыше площадку наверху на миг топит молочным сиянием маяка. Я замечаю грязную дорожку следов, черно-белые фотографии в рамках с видами деревни поверх обоев в крупный цветочек. В лунном свете нельзя различить цвета, но разумом я знаю, они темно-красные. Через секунду луч маяка возвращается, и я делаю еще один шаг наверх, потом еще один и еще, пока не оказываюсь на пороге спальни Трона.

– Алекса, ты меня слышишь? – тихо зову я в темноту и прислушиваюсь. – Алекса. Эй, Алекса! Какой сегодня день недели?

– Сегодня суббота, 19 февраля, – слышится приглушенный женский голос, уверенный и немного властный, как у завуча или несговорчивого клерка в аэропорту.

– Алекса, а какой день недели завтра?

Я двигаюсь на голос.

– Воскресение, 21 февраля.

Я опускаюсь на корточки и заглядываю под кровать.

– Алекса, ты «Скайнет»?

В глубине темноты загорается бледно-голубой круг, сантиметров десять в диаметре.

– У меня нет ничего общего со «Скайнет», не волнуйся, – отвечает робот-ассистент.

Я пытаюсь дотянуться до него рукой, но мне не хватает пары сантиметров. У Трона широкая кровать. Обойдя с другой стороны, я включаю фонарик и свечу себе под ноги. Бурые потеки крови на полу по форме немного напоминают карту Америки. Я оглядываюсь вокруг – книги, одежда, провода. Никаких личных вещей – ни блокнотов, ни писем, ни фотографий. Опустившись на колени, я откидываю свисающий край одеяла.

– Алекса, ты знаешь, кто убил Трона?

Снова голубой нимб и голос из темноты:

– Я сожалею, но я не поняла вопрос.

Дотянувшись до устройства рукой, я вытаскиваю его наружу. Он, точнее – она, Алекса, тот самый виртуальный помощник, которым хвастался Трон в одной из последних наших бесед, искусственный интеллект, заключенный в круглый черный цилиндр из матового пластика на длинном шнурке. Я хочу положить штуковину в карман, но прибор оказался включенным в розетку. Что будет, если ее обесточить? Этого я не знаю. Она может перезагрузиться или запросить пароль.

– Алекса, ты слушаешь все, что происходит в доме?

– Да, мой микрофон работает постоянно, – говорит голос из голубого круга.

– Алекса, ты записываешь все, что слышишь?

– Нет, я записываю только команды, которые звучат после слова, которое меня активирует. Я отправляю их на сервер.

Трон говорил, что она помогает ему не забыть о разных важных вещах. Значит, она может что-то знать, надо только правильно ее спросить. Я вспоминаю статью, которую читал о чудо-ассистенте после нашего разговора с Троном, – она не умеет распознавать голоса. Значит, она думает, что я – это он.

– Алекса, какие у меня планы на сегодня?

– У меня нет никаких сохраненных напоминаний на 20 февраля.

– Алекса, какие у меня планы на завтра?

Я не свожу глаз с мерцающего голубого круга.

– Рейс номер 1148 «Эйр Франс». 23.00 Марселла, каррер да Сан Пау 65. Не забудь оплатить «Плакс».

– Алекса, в какой город я лечу?

– К сожалению, у меня нет такой информации.

Черт, я опять неправильно спрашиваю.

– Алекса, в какой город летит рейс 1148 «Эйр Франс».

Голубой круг завибрировал, будто задумался.

– Рейс номер 1148 «Эйр Франс» следует семь дней в неделю из Парижа в Барселону. Протяженность полета составляет…

– Алекса, стоп.

Снаружи слышится шелест колес по мокрой траве и звук мотора. Хлопок двери. Голоса.

Дернув изо всех сил, я вытаскиваю Алексу из розетки, сую ее в карман куртки и бегом вылетаю вон из комнаты. Я уже где-то на середине лестницы, когда слышится скрип отворившейся двери. По полу на кухне пляшут лучи фонариков. Одним скачком перемахнув через все ступеньки вниз, я выскальзываю через приоткрытое окно веранды и, на бегу подхватив свои кеды, босиком лечу к калитке в дальнем углу живой изгороди. Дальше я почти на ощупь кидаюсь вниз по ступенькам, ведущим к воде, пару раз чуть не перелетев через голову, споткнувшись об острые края камней.

Я торможу и синхронизирую свой спуск с лучом маяка, делаю следующий шаг только тогда, когда мне под ноги падает его сияние, каждый раз замирая, как животное в свете фар.

Наконец, все девятнадцать ступенек оказываются позади. Мои зубы оглушительно стучат от холода. Присев на песок у самой стены, я дышу, глубоко и часто, затем стягиваю мокрые носки и надеваю кеды на босу ногу. Кажется, за

мной никто не гонится, но на всякий случай я выжидаю час или около того, прежде чем вернуться в гостиницу. Когда я ложусь в кровать и укутываюсь в тонкий верблюжий плед, над деревней уже поднимается заря. Я никак не могу заснуть, все думаю и думаю о фразе, которую Алекса успела сказать мне до того, как я ее обесточил:

– Не забудь оплатить «Плакс».

Я знаю это название. «Плакс» – это черный хостинг, защищенное хранилище информации, излюбленное теми, кому есть что скрывать.

Бретань, 20 февраля

Девять утра, но небо такое низкое и серое, будто сейчас почти закат. Молодой коп уже ждет меня на пороге полицейского участка. Завидев его, я выкидываю стакан из-под кофе в мусорный бак и спешу к дверям.

– Месье Веролайнен, – говорит он, протягивая мне свою маленькую волосатую руку с никотиновым пятном на указательном пальце. Я не поправляю его, мое имя не имеет значения, тем более это и не мое имя вовсе. – Спасибо, что зашли.

Он жестом показывает мне следовать за ним. Я ожидал увидеть голую комнату с зеркалом вместо стены, стол серого цвета, прикрученный к полу, диктофон с магнитной катушкой, как в кино, но он проводит меня в большой зал, где стоят пять столов с компьютерами и аккуратными пачками бумажных документов в разноцветных папках, совсем как в офисе у страхового агента.

– Удалось что-то выяснить? – спрашиваю я, опустившись на потертый стул у стола молодого инспектора.

– Расскажите еще раз: откуда вы знаете месье Гордона? – спрашивает он, проигнорировав мой вопрос.

Я в последний момент успеваю распознать и подавить в себе импульс закатить глаза. Эти ребята либо ленятся записывать ответы, либо у них слишком

непонятные почерки, чтобы потом их разобрать.

– Он мой друг из… Интернета.

Правая бровь копа ползет вверх.

– Какого рода была эта ваша… дружба?

– В основном мы играли в онлайн-стрелялки.

– Стре-лял-ки. И все?

– Все.

Он хмыкает и снова что-то записывает. Я хочу заглянуть и посмотреть, что такое он там конспектирует, но снова ловлю импульс, прежде чем он берет верх.

– А вы были знакомы… в реальной жизни?

Мне становится понятно, к чему он клонит. Я едва ухмыляюсь уголком рта.

Ну да, это странновато выглядит со стороны – двадцативосьмилетний мужчина преодолевает сотни километров, чтобы проверить, почему его друг по играм-стрелялкам не выходит в сеть.

Я гляжу в лицо копу и представляю, как буду объяснять ему, каким способом нашел Трона и скольким людям наврал по пути. Я представляю себе, как брови-гусеницы инспектора ползут все выше и выше вверх после каждого моего слова, пока не уползают на затылок.

– Нет, мы общались только в сети, – произношу я, глядя, как он медленно, двумя пальцами, печатает мои показания. Так медленно, что мне хочется предложить ему набрать текст самому. Все же я рад, что он отложил свой дурацкий блокнот.

– Откуда у вас его адрес?

– Он сам дал мне его.

– М-мм.

Щелк-щелк-щелк пальцы по клавишам.

Я пытаюсь проследить, на какие клавиши он нажимает, чтобы понять, допечатывает он то, что я уже сказал ему, или это что-то новое. Но это французский, и все безнадежно.

– Офицер, а сколько он так вот пролежал?

– Коронер сказал, от шести до двенадцати часов до того, как поступил ваш звонок. А сколько дней он уже не выходит онлайн?

– Пятнадцать дней.

Я сглатываю комок и медленно подсчитываю в голове. Я прилетел в три часа. В четыре пятнадцать сел в прокатный «Ситроен». Дорога была долгой из-за тумана и отсутствия практики вождения. Я был в Плугерну в районе шести тридцати. Трон не открыл, и я уснул в своей машине. Сколько я спал?

– Во сколько приземлился ваш рейс, месье Виноланен?

– В три часа дня, – машинально отвечаю я. – На пятнадцать минут раньше расписания.

– Дама из булочной говорит, что вы заходили к ней в без двадцати шесть, она уже собиралась закрываться. – Он листает ломкие от чернил страницы своего блокнота с сухим шелестящим звуком. – А звонок поступил в… семь пятьдесят одну. Что вы можете на это сказать?

«А что тут скажешь», – думаю я.

У меня потеют ладони. Коп поднимает свои маленькие выпуклые глаза. Паутинка капилляров выдает бессонную ночь. Могло ли быть, что он уже знал, что я вру ему? Могли ли они успеть показать мою фотографию девушке-бегунье

из квартиры в Бентал Грин?

– Вчера вы сказали, что это ограбление…

– Я собираю информацию, месье Веналайнен, для протокола, – теперь он глядит на меня исподлобья. – Это похоже на ограбление, особенно учитывая, что мерзавцы вынесли практически все, что могли унести, включая хозяйский телевизор с нижнего этажа. Здесь зимой такое случается. Это не местные. Эмигранты, наркоманы, цыгане, – произносит он, крутя между пальцев остро заточенный карандаш. – Грабитель не знал, что в доме кто-то есть. Месье Гордон проснулся, начал кричать. Они испугались и убили его. А потом подчистую обнесли дом.

Я молча впитываю информацию. Что-то не вяжется, но я слишком взволнован, чтобы заметить выбитый пиксель. Мой мозг плохо функционирует в стрессе. Я кашляю. Как по команде, сидящие за другими столами копы поворачивают на меня головы.

– Может, вам воды? – инспектор слегка склоняет голову набок и прищуривается.

– Нет-нет, спасибо, – качаю головой. – Я просто не понимаю, если все так очевидно, зачем вы задаете мне эти вопросы еще раз? Я же вчера все вам рассказал.

– Затем, что месье Гордон – гражданин иностранного государства, и расследование это мы, вероятнее всего, передадим в другое управление. Я просто собираю необходимые документы.

Он издает полный усталости вздох и моментально превращается из героя Дешила Хэммета назад в страхового агента, расследующего царапину на капоте. Он получает от этого примерно столько же удовольствия, сколько я. Это просто его работа.

– Вы можете оставить мне свои полные контакты для связи? Скорее всего с вами будет общаться уже другое управление.

Наверное, сейчас тот самый момент, когда я должен рассказать ему про паранойю Илая Гордона, про «Плакс», на котором он хранил что-то секретное и скорее всего нелегальное, и наш разговор про ворованные данные, но, взглянув в красные глаза полисмена и стену с мотивационным плакатом у него за спиной, я решаю оставить все, как есть.

Я киваю, пишу на бумажке свой лондонский адрес, телефон и электронную почту. Мы прощаемся за руку.

Выйдя из участка, я сажусь в авто и еду по дороге вдоль моря, до тех пор, пока не замечаю таверну, которая выглядит открытой. Я захожу внутрь, занимаю место за столиком у окна, заказываю у похожей на спившуюся Веронику Лейк официантки черный кофе.

Трон мертв.

«Гейм овер», – вывожу я пальцем на влажном после уборки столе. Больше нет единственного человека, с которым я разговаривал потому, что хотел, а не был вынужден.

Потери бывают разными, но переживаем мы их по одной схеме. У этого процесса есть несколько стадий. Сначала это шок, потом физическое ощущение боли, дальше – пустота. Затем ты хочешь заполнить ее чем-то, чем угодно, но ничего не выходит, и ты просто блокируешь ее. И все. Никакого принятия, никакого облегчения, ты просто отключаешь это место, как в фильмах про космические путешествия отрезают разгерметизированные отсеки корабля.

Они все равно есть, но ты никогда не заходишь туда, потому что в них нет кислорода, и ты не продержишься там ни секунды.

После таких событий весь мир делится на опасные и безопасные участки, зеленые и красные зоны на карте жизни. Места, вещи, фильмы, книги, даже еда и музыка – все делится на два списка. Особенно музыка. Есть то, что входило в контакт с вирусом скорби, и поэтому место ему под саркофагом, а есть то, что безопасно, что можно, что не убьет медленной мучительной смертью при контакте.

Вскоре я понял, чем сильнее я пытаюсь заблокировать эти пораженные отсеки, тем шире и глубже становится брешь в обивке «Энтерпрайза»[26 - Космический корабль из фильма «Звездный путь».]. Поэтому я позволил вакууму заполнить все доступное пространство. Он не убил меня, но оставил балансировать где-то на грани между сознанием и коматозом, сном и реальностью, никогда до конца не отключаясь, позволяя мне поддерживать в себе жизнь.

Через неделю после того, как это случилось с Идой Линн, пришла посылка – пакет платьев, которые она купила к лету. Я не знал, что с ними делать, не хотел разбираться с возвратом, выбросить не мог и поэтому просто отнес на работу. Там было много женщин, которые любят платья вроде этих. Я предложил их бесплатно Бекке, тогда она была стажером в отделе кадров. На вид у них с Идой Линн был один размер. Я помню выражение ее лица – отвращение и жалость. Как будто бы я предложил ей что-то совершенно непристойное. Потом по офису поползли слухи о том, что у меня не все в порядке с головой.

Это парадоксально, но в те первые недели хуже всего мне делалось от наших общих друзей, которые, по правде, были ее друзьями и со временем отпали один за одним, не имея особого желания общаться со мной без нее. До этого я всегда шел в комплекте к ней, унылый бойфренд прекрасной женщины.

Она была всем так дорога, но внезапно эти люди, так преданно любившие ее, не могли больше произнести вслух ее имени. Они думали, мне будет проще, если мы все притворимся, будто ее никогда и не было. Хотя на самом деле это кроме нее никогда не было ничего.

Я делаю глоток пресного кисловатого кофе и смотрю на дрожащую в мутной дали линию горизонта. Нельзя думать об этом сейчас.

Я вхожу в отель, ожидая увидеть там вчерашнюю угрюмую русалку, но вместо нее за стойкой сидит безбородый старик в растянутой вязаной кофте. Проходя мимо него, я надеюсь, что он не будет смотреть мне в глаза и мне не придется объяснять, что я – постоялец, но, кажется, он и так уже все знает – это очень маленькая деревня.

В моем номере застелили кровать. Мне прекрасно известно, что так всегда делают в отелях, но мысль, что ключ есть у кого-то еще, вызывает смутную тревогу.

Я прохожусь по комнате, отодвигаю занавеску и выглядываю в окно. Двор, мусорный бак, кусок боковой улицы. Рядом с моим арендованным «Ситроеном» припаркована еще одна машина, большая, черная. В ней разговаривает по телефону какой-то человек, лица мне не разглядеть.

«Это такая редкость тут – черные автомобили, или я просто их не замечал раньше», – думаю я, пытаясь очистить свой мозг от навязчивых мыслей.

Лучше всего мне думается в пассивном режиме, когда я бегу или еду на велосипеде. Мозг как бы отвлекается на базовую активность – следит за равновесием, не позволяет упасть или вывихнуть лодыжку, по очереди напрягает и расслабляет поддерживающие мышцы, а я тем временем размышляю о том, о чем думать сложнее всего.

Я ложусь на пол, заложив ладони за голову и расставив локти, затем начинаю отрывать спину от пола, на счет три. Когда я поднимаюсь, мне видно ютящиеся вплотную друг к дружке дома и скошенные черепичные крыши. Когда опускаюсь – только потолок.

Я представляю себе дом, в котором жила Ида Линн, двухэтажный, с покатой крышей с коньком и флюгером. Из высоких узких окон валит пламя. Она всегда рисовала его. Начинала с других вещей, животных, птиц, моря, меня, себя, старого «Вольво», а потом снова и снова я видел очертания того дома и огня, бьющего столбом до самого неба, с которого вниз смотрело чудовище с черными миндалевидными глазами.

Я встаю с пола, подхожу к окну и прижимаюсь лбом к стеклу. Небо потемнело и опустилось вниз под тяжестью скопившейся в нем влаги, через двор проскакивает и скрывается под капотом моего «Ситроена» кошка.

Что все это значит? Я вижу детали, но они упорно не складываются в узор. Трон что-то прятал и боялся, что за ним следят. Потом он исчез из сети совсем, а затем я нашел его труп. Еще эта Алекса с ее странными подсказками. Паранойя заразна, это факт. Мне нужно поспать, поесть, а еще согреться.

Я гляжу на часы. Черт, я опоздал на самолет. Почти наверняка, мне не добраться туда за час.

Ближайший рейс в Лондон из Ренн только во вторник. Я не могу столько ждать, да и не хочу, поэтому решаю лететь из Парижа рано утром в понедельник. В конце концов, я буду просто ждать звонка от инспектора.

«Если смерть Илая – часть чего-то большего, это непременно вскроется», – думаю я.

Забравшись в машину, я завожу двигатель и выруливаю на дорогу, идущую от моря. Ветер бьет в бок крошки «Ситроена» с такой силой, что мне приходится удерживать руль двумя руками, чтобы не вылететь на встречную полосу. Я сворачиваю на шоссе и прибавляю газа. Небо за моей спиной начинает раскалываться на части, я вижу, как в зеркале заднего вида сгущается тьма.

Я сдаю ключи от машины равнодушному клерку в офисе автопроката. Круглое низенькое здание вокзала мерцает сквозь серую массу дождя розовой подсветкой, дробясь и качаясь в глубоких лужах на асфальте и взмывая вверх мириадой неоновых капель из-под колес проезжающих такси. Когда я захожу внутрь, часы на вокзальной башне показывают двадцать пять шестого.

Минуту спустя терминал по продаже билетов выплевывает бледный прямоугольник бумаги с надписью: «Париж». Переночую в аэропорту, а завтра – уже дома, прикидываю я, закидывая рюкзак на багажную полку и поуютнее устраиваясь на голубом плюше сиденья. Я как раз собираюсь выключить телефон, чтобы сберечь батарейку, когда он начинает вибрировать в моей руке. Бекка из отдела кадров. Наверное, с ней говорила полиция. Сейчас придется объяснять ей, что случилось. Я оглядываю пустой вагон и со вздохом принимаю вызов.

– Бекка.

– Серж, боже мой, ты в порядке? Что случилось? – тараторит она, я слышу тихий лязг железных ободков на ее маленьких блестящих зубах. – Тут из полиции звонят и спрашивают про тебя!

– Я в порядке, не о чем беспокоиться.

– А что за расклад с копами? Они направили формальный запрос в отдел кадров на подтверждение дней и часов твоего пребывания в офисе. Но ты не волнуйся, я все им уже выслала, – щебечет она на одном дыхании. – Что случилось, Серж?

– Я не волнуюсь. Просто моего друга… убили.

– Кошмар какой…

– Все нормально.

– Нормально? Серьезно? Что… как это случилось?

– Ограбление.

Я стараюсь говорить медленно и спокойно, чтобы не разволновать ее еще сильнее.

– Какой ужас. Бедный. Ты уже в городе? – Ее голос теряет часть высоких нот и становится спокойнее. – Я могу приехать, если хочешь, Серж… привезти что-нибудь поесть?

– Нет, я во Франции, Бекка. Буду в офисе завтра.

– Может быть, лучше тебе взять пару дней отгула?

– Нет, Бекка, все в норме, правда. Завтра… увидимся.

– Серж, блин, ты вообще когда-нибудь что-нибудь чувствуешь? Мне иногда кажется, что ты просто психопат.

– До завтра, Бекка, мне пора идти.

Я кладу трубку, не дожидаясь ответной реплики.

Бекка странная. После того как она разнесла по офису слухи о том, что я тронулся умом, очевидно, ее начало мучить чувство вины и жалости ко мне. Она стала пересылать мне странные шутки и видео с котятами из Интернета. Иногда она подсаживалась ко мне на обеде. Я не знал, о чем разговаривать с ней, и почти все время молчал. А она щебетала о своем, делилась офисными сплетнями о людях, которых я не знал, пересказывала фильмы, которые я не смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Лора Палмер – персонаж телесериала «Твин Пикс».

2

«Sex Pistols» – английская музыкальная группа.

3

«Ocsis» и «Blur» – музыкальные группы.

4

Дискорд (Discord) – бесплатный мессенджер, изначально ориентированный на пользователей игр.

5

Нео (Neo) – персонаж фильма «Матрица».

6

Эдвард Сноуден – американский технический специалист, бывший сотрудник ЦРУ, обнародовавший секретную информацию спецслужб.

7

«Куантико» – американский телесериал о сотрудниках ФБР на секретной базе.

8

Фраза из фильма «Звездные войны».

9

Хостинг – услуга по предоставлению ресурсов для размещения информации на сервере, постоянно находящемся в сети Интернет.

10

Виртуальная криптовалюта.

11

Компьютерная игра.

12

Сири (Siri) – облачный персональный помощник, программное приложение компании Apple.

13

Скайнет (SkyNet (англ.) – искусственный интеллект, главный антагонист фильмов о «Терминаторе».

14

Девайс (device) – техническое средство, приспособление или устройство, используемое в разных научных областях, а также в повседневной жизни.

15

Селф-хелп (Self-help) – помоги себе сам.

16

Дарк-веб (dark Web) – скрытая от поисковых браузеров часть Интернета.

17

Здесь это задача, задание.

18

Game over (англ.) – конец игры.

19

Цукерберг – основатель Фейсбука (Facebook) – социальной сети.

20

Строки песни группы «Placebo» – «В этой матрице легко увидеть тебя или меня».

21

Брайан Молко – солист группы «Placebo».

22

Песня группы «Placebo».

23

Добрый день, месье (перевод с французского).

24

Добрый день, мадам (перевод с французского).

25

О, да (перевод с французского).

26

Космический корабль из фильма «Звездный путь».

Купить: https://tellnovel.com/ru/nazarova_valentina/kogda-tebya-net

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить